

В беседе с корреспондентом «Советского патриота» писатель Александр Петрович Казанцев сказал:

— Я заканчиваю повесть «Лунная дорога», которая будет опубликована в журнале «Нева». Вторую часть этой повести «Планета пепла» я с радостью передаю для опубликования в газету «Советский патриот», рассчитывая, что ее читатели в свое время прочтут и ее продолжение»

Кстати, продолжением повести будут еще две. Одна из НИХ, посвященная полету на Венеру, уже опубликована в октябре в «Комсомольской правде» («Планета бурь»), а заключительная повесть «Марсианин» пока существует в виде небольшого рассказа, пролога этой повести. Мне хочется в ближайший год — два закончить эту трилогию, и не без основания думаю, что наши советские люди и этому времени догонят моих героев и сами доберутся до других планет.

Глава первая

ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ

ЧЕЛОВЕК за бортом!..

Второй пилот Аникин отпрянул от телевизионного экрана.

Громов, командир космического корабля «Искатель», вскочил с кресла. Высокий, он уперся рукой в потолок кабины.

На экране четко был виден американский «Колумб». От него отделился скафандр, с силой выброшенный из люка.

Нет, это не космонавт, осматривающий корпус... Американская ракета была одноместной и... быстро удалялась.

Громов посмотрел в лицо Аникину.

Широкоплечий, сбитый крепыш с веселым вздернутым носом и внимательными глазами понял его без слов. Он включил дальний радиолокатор, чтобы держать скафандр в поле зрения телеэкрана. Результаты наблюдений поступят в электронно-вычислительную машину. Аникин заложил в нее перфорированную карточку, задав программу работы.

Громов смотрел на телеэкран. Скафандр был сделан из гибкой пластмассы, точно воспроизводя человеческое тело, для которого здесь не было ни верха, ни низа. Распростертое, противоестественно невесомое, с торчащими в верхней части экрана ногами и раскинутыми руками, оно медленно вращалось от полученного толчка.

Громов нахмурился, и стал старше своих тридцати пяти лет. У него было лоб мыслителя, добрые глаза семьянина и тяжеловатые рубленные черты скуластого лица. Он представил, что чувствует одинокий человек в пустоте среди звезд, и передернул плечами.

Разноцветные колючие звезды горели без мерцания, мертвым жгучим светом, который не рассеивал окружающую их черноту. Несовместимое соседство света и тьмы было особенно диким и странным близ злобно яркого, взъерошенного солнца, огненно-косматого, похожего на ослепительную медузу в море мрака.

Странен был гигантский диск уже близкой планеты, не серебристой теперь, а серой, изрытой оспинами. Она напоминала клокотавшую и вдруг замерзшую массу, на которой, как на закипевшей каше в котелке, вздувались пузыри, оставив контуры кратеров.

Частью затененная, выпуклая, вся в зубцах гор, шероховатая, рельефная, она казалась мрачным центром чужой Вселенной.

— Упадет на Луну? — с тревогой спросил Громов.

Аникин молча указал глазами на считавшую машину. Она деловито постукивала.

Точно так же постукивала двадцать семь минут назад кибернетическая машина американской ракеты «Колумб». Перфорированную карточку взял с пульта жесткой, чуть дрожавшей рукой пилот Том Годвин.

На карточке стояла только одна цифра: «27».

Том Годвин не смел поднять глаза...

Все произошло так неожиданно!.. Одетый в скафандр с откинутым шлемом Том Годвин лишь недавно пришел в себя. По разработанной для пилота инструкции, которая в космосе имела силу Закона, он обязан был перенести взлет и начало пути усыпленным. Перед взлетом он расположился удобно в кресле пилота и принял таблетку. В сладкой истоме он бросил последний взгляд через иллюминатор кабины, как через окно нью-йоркского небоскреба, увидел отъезжающую решетчатую башню подъемного крана, далекий забор космодрома и за ним толпу репортеров и работников «Америкэн-моторс». Над волнистой линией гор простиралось удивительное синее небо...

И вот недавно, придя в себя, он ощутил в теле пугающую легкость, а в голове гнетущую тяжесть. Небо с вбитыми в него гвоздями звезд было черным...

По инструкции пилоту предлагалось после пробуждения прочесть свою судьбу. Но не по звездам, как это делают модные астрологи в Америке, а по циферблатам приборов.

Автоматы прекрасно вывели ракету на орбиту. Шершавая Луна почти закрывала правое окно. Отвратительный шар без облаков! Кстати, Том Годвин так и не увидел прикрытый облаками земной шар... Теперь Земля была уже диском, огромным, но куда меньшим, чем надвигающийся тысячеглазый лунный шар. Край земного диска был съеден тенью, он походил на гигантский полумесяц с расплывчатыми краями и каким-то странным рисунком, в котором невозможно было угадать очертания материков.

Стрелки на циферблатах дрожали.

Спина у пилота похолодела. Он не верил глазам. Указатель топлива показывал почти нуль... Годвин откинулся на спинку кресла.

Что случилось? Как мог получиться такой перерасход?.. Остатка топлива едва хватит, чтобы посадить ракету на Луну. А как вернуться? Просить, чтобы забросили на Луну топливо? Да разве попадет автоматическая ракета в нужное место? Через непроходимые лунные горы одному человеку топлива не доставить...

Пилот умел держать себя в руках, даже когда был совершенно один среди звезд и приборов. Недаром он проходил на Земле жестокую тренировку одиночеством.

Он не боялся одиночества. Во всяком случае, считал, что оказаться на Земле за бортом жизни куда хуже, чем лететь одному на борту надежной ракеты в космосе.

А вылететь «за борт» на Земле у Тома Годвина было много возможностей. Его отец был убит в корейскую войну. Зачем было погибать Сельвину Годвину, понять было очень трудно... До того, как попасть в злосчастную армию генерала Макартура, он работал в Детройте на автомобильном заводе «Америкэн-моторс», но остался без работы... Вот и пошел воевать... Он думал, что умеет это делать, набив руку еще в Африке против фашистских полчищ генерал-фельдмаршала Роммеля.

Сельвина Годвина провозгласили в Америке героем, и фирма «Америкэн-моторс» даже взяла на себя заботу о его сыне Томе, еще в раннем детстве оставшемся без матери.

Он получил кое-какое образование, а когда подрос, встал к конвейеру...

Но на беду в Америке стали покупать меньше автомобилей. Был год, когда их осталось непроданными 600 тысяч штук. Кроме того, и у Форда, и на заводах «Америкэн-моторс» целые линии станков и даже конвейеров начинали работать... без людей.

Словом, Том Годвин остался за бортом...

А русские запустили первый искусственный спутник Земли...

Фирма «Америкэн-моторс» взялась делать ракеты... не только космические, конечно.

Тому Годвину, напоминая об отце, удалось-таки устроиться. Он изучал ракеты, участвовал в их испытаниях, а когда понадобилось, изъявил готовность лететь в космос и даже пройти пытку одиночеством, которая называлась испытанием. Нужно было сутками без отдыха, в полной, «вакуумной» тишине сидеть в одиночной камере модели кабины и до чертиков в глазах смотреть на стрелки приборов. А чертики появлялись, они взбирались на стрелки, строили рожи и сводили Тома с ума...

Некоторые американские психиатры считали, что космический пилот непременно должен сойти с ума...

Том Годвин надеялся на себя, и он летел в космосе один. Говорят, буддийские монахи в Гималаях добровольно замуровывают себя на несколько лет в каменный мешок, где нет ни света, ни звука... Они остаются наедине с самими собой, отрешаясь от мира, постигая «высшее совершенство», не отвлекаемые от самосозерцания ничем... Впрочем, может быть, это и есть сумасшествие...

Черт возьми! По сравнению с гималайским каменным мешком космос с его светлыми гвоздиками звезд не так уж и плох!.. Но если из каменного мешка хоть через несколько лет можно было выйти, то из космоса без топлива не вернешься...

И Том Годвин затосковал... Он затосковал вдруг по Земле, по людям, по человеческому голосу...

Тоска эта была подобна зубной боли. Том Годвин даже сжал руками щеки.

Потом судорожно начал налаживать радиосвязь. Может быть, его считают погибшим или сошедшим с ума!..

В наушниках зашуршало. Это были звуки Земли. И вдруг раздался голос, человеческий голос славного парня Джона Смита!..

— Хэлло, «Колумб»!.. Я — Америка.

У Тома Годвина даже слезы выступили на глазах. Но разве мог он показать людям на Земле свою слабость...

— Эгей, Джон! — бодро крикнул он. — Чертовски рад услышать твой хриплый голос! Только что очухался от проклятого снадобья. Голова гудит, но кости целы. — Он знал, что его голос запишут на пластинки, их будет слушать вся Америка: в барах, на квартирах и в школах... голос первого американца из космоса, которому надо держаться достойно. — Что там подсчитали астрологи, звездочеты и кибернетические машины? — весело спросил он. — Врежусь в Луну? Скорость как надо?

— Все о'кэй! — послышалось в наушниках.

Том Годвин отодвинулся от пульта с приборами. У него было некрасивое лицо с широко расставленными глазами, чуть простоватое, но мужественное и открытое. Он с неприязнью смотрел на одну из стрелок циферблата...

— Нет, не все «о'кэй»... — медленно произнес он. — Или указатель топлива врет, как профессиональный свидетель под присягой, или... Черт его знает, почему получился перерасход топлива. Чье-то грязное дело!.. Лишь бы сесть на лунный шарик... А по поводу

возвращения, — мрачно добавил он, — памятника мне не ставьте... Лучше забросьте на место посадки топливо.

Он услышал какой-то шорох.

— Ох уж эти мне помехи! — проворчал он и сдвинул наушники.

Но шорох продолжался. Годвин обернулся и вскочил. Глаза его округлились. Вот оно что! Все-таки правы проклятые психиатры...

— К дьяволу! — крикнул Годвин больше для того, чтобы от звука собственного толоса прийти в себя.

Но видение не исчезло.

Перед ним в облегающем тело скафандре с откинутым шлемом стояла миниатюрная молодая и изящная женщина с чуть сощуренными тревожными глазами и застывшей полуулыбкой на тонких губах.

— Хэллоу, Годвин! Я тоже спала при взлете, — нарочито бодро произнесла она.

— К дьяволу! — взревел, не помня себя, Годвин. — Я вышвырну тебя вон, даже если ты привидение!

— Тогда дайте закурить сигарету, — улыбнулась незнакомка. — Привидения не курят.

— Тем хуже, — сипло произнес Годвин, садясь. — Духи, по крайней мере, не имеют веса. Но если вы женщина...

— Вы сомневаетесь в этом? — с вызывающей насмешкой спросила неизвестная.

— В вас должно быть фунтов сто... сто лишних фунтов, мэм! — тяжело сказал Годвин.

— Может быть, вы пригласите даму сесть? — сказала она, стараясь установить отношения.

— Гм... Сесть? Мне нужно думать о том, как сесть на Луну, — неприязненно ответил Годвин. — А кабина... вернее, ракета рассчитана на одного... человекообразного...

Молодая женщина мило поморщилась.

Годвин вскочил. На него накатился припадок ярости, что с ним иногда бывало. Он дал ей выход в том, что стал вырывать из пульта приборы. Обладая недюжинной силой, он выворотил из панели два или три, потом в бессилье опустился в кресло.

Незнакомка спокойно наблюдала за ним.

— О черт! — простонал пилот. — Разве наберешь сто фунтов! Здесь высчитаны унции...

— Что вы думаете обо мне, Годвин? — спросила незнакомка, усаживаясь на край пульта и покачивая ногой. — Я выдержала взлет отнюдь не в вашем удобном кресле.

— Что я думаю, мэм? — раздраженно повторил он. — О том топливе, которое перерасходовано на вас при взлете. Как вы сюда попали?

— Сообщите на Землю. Там ждут этой сенсации.

— Слушайте, мэм, черт вас возьми! — вскипел Годвин. — Нам никогда не сесть вместе ни на Землю, ни на Луну... Топлива не хватит... Я вас не знаю... Может быть, вы славная девушка...

— Вы славный парень, Годвин. Включите радио.

— Не торопитесь, мэм. Я даю задание кибернетической машине... Кое-какой подсчет, прежде чем... Вы сами не понимаете, в какое скверное дело вас впутали...

— Меня? — рассмеялась незнакомка. — Если бы вы знали, кто я!..

— Очень приятно познакомиться, — пробурчал Годвин.

— Элен Кенни, Годвин... Элен Кенни из газеты Хента «Уорльд курьер»...

— Мисс Кенни?.. Слышал. На многое способна...

— Вы так думаете, Годвин?..

Глава вторая

ВОЛОСЫ ВЕРОНИКИ

В ТАИНСТВЕННЫЙ мир космоса, в беспредельный простор миллионов световых лет, к сверкающим центрам атомного кипения материи, к звездам, живущим и рождающимся, гигантским или карликовым, двойным, белым, желтым, голубым, ослепительным или черным, в мир феерических комет и задумчивых лун, планет цветущих или обледенелых, в бездонный космос, мир миров стремится теперь уже не только взглядом человек...

Силы тяготения собрали миллионы миллионов звезд в правильные, объемные, сплюснутые в одной плоскости геометрические фигуры, напоминающие колоссальные диски галактических дискоболов. Смотря ясной ночью на Млечный путь, мы видим изнутри обод такого звездного диска нашей галактики через всю его толщу. Наблюдая в сильнейший телескоп далекую спиральную туманность в созвездии Волосы Вероники, мы рассматриваем извне обод, но только другого, стоящего к нам ребром диска, чужого, бесконечно далекого звездного мира. Множество таких галактических дисков различимы в небе под самыми разными углами, в том числе, и сбоку. Тогда отчетливо вырисовывается огненное колесо со спиральными спицами, поражая строгой единообразностью звездных миров.

Сила тяготения заставляет частицы материи сближаться. Неотвратимо сгущаются туманности космической пыли, и внезапно загораются новые звезды. Извечные катаклизмы Вселенной накаляют до миллионов градусов колоссальные массы вещества, пронизывают бесконечное пространство потоками космических лучей, порождают бесконечные формы материи, создают условия для ее самосовершенствования, венчаясь — тайной тайн космоса — Жизнью, в которой Природа познает сама себя!.. Даже если исходить из условий, близких земным, жизнь может существовать на великом множестве миров бесконечных галактик. Ведь образование солнечной системы отнюдь не

исключительно. Планеты, несомненно, существуют у многих звезд. Жизнь, возникнув в самых простейших формах, неуклонно развивается, стремясь к высшему совершенству — мыслящему существу.

Оно всеильно — мыслящее существо, и где-нибудь на планетной песчинке близ светлой точки спирального острова в созвездии Волосы Вероники «оно» так же оглядывает мир иных вселенных, как оглядывает их с Земли человек...

Эллен Кенни читала эти строки о космосе, и все ее существо наполнялось сладостным волнением, она ощущала себя в храме космического божества. Но она не казалась себе беспомощно ничтожной. Нет!.. Она хотела быть такой же гордой, как и воображаемое мыслящее существо в созвездии Волосы Вероники, о котором писал в своей статье Петр Громов...

Волосы Вероники!..

Эллен возбужденно прошлась по своей комнате с креслами на крохотных ножках и низенькими столиками, широкой тахтой, на которой можно было лежать и вдоль, и поперек, и окнами, выходящими прямо в стену соседнего небоскреба, не позволяющего ощутить высоты двадцать четвертого этажа. Она закинула руки за голову и одним движением распустила заложенные узлом на затылке волосы. Они волнами рассыпались по плечам. Эллен привычно тряхнула головой, и они пенным потоком заструились по спине. Эллен едва охватила их обеими ладонями. Волосы космической Вероники!..

Космос. В него, ощущая жуть, взволнованно смотрел русский гений Ломоносова, смотрел, как в звездную бездну, где звездам нет счета, а бездне дна... Он так немыслимо огромен, что его измеряют не мерами длины, а годами пути лучистой энергии. До одной из далеких галактик в созвездии Волопаса расстояние составляет 230 миллионов световых лет. Пока летел оттуда луч света, на Земле сменялись геологические периоды, поднимались и опускались материки, размножались и вымирали гигантские пресмыкающиеся, и, наконец, появился, неудержимо развиваясь, Человек. Космическое пространство, чрезмерное даже для воображения, оказалось доступным для его острого глаза, пытливого ума, математического анализа, железной логики, охватывается его мыслью, осознается его разумом.

Но почему же не раздавлен величием необъятного Дерзкий человек? Ведь никогда не пересечь ему непостижимо огромных просторов космоса. Ничто в природе не может двигаться со скоростью, превышающей скорость света, и если даже мыслящий безумец найдет способ достичь этой скорости, то всё равно ему лететь до далекой галактики в созвездии Волопаса 230 миллионов лет, и его биологические потомки походили бы на улетевшего предка не больше, чем человек на амебу!.. Надо пасть ниц перед потрясающей неохватностью космоса, перед ужасающей беспощадностью времени, ничтожно краткой и жалкой признать человеческую жизнь...

Но нет! Стоит послушать, что говорит святотатец, вторгшийся в храм Вселенной. Не пугается он бездонных глубин космоса, а уверенно вспоминает теорию относительности, утверждающую, что «время космонавта», летящего с огромной скоростью, будет течь медленнее, чем для наблюдателя, оставшегося на Земле, и если скорость его приблизится

к скорости света, то «время космонавта» с точки зрения земного наблюдателя почти остановится... То есть, на Земле пройдут года, века, а на звездолете лишь секунды и минуты... Так неужели же за реальные годы своей жизни мудрый безумец дерзновенно пересечет весь космос, по крайней мере, в обозримой с Земли его части? Правда, вернувшись обратно к планете Земля, он может и не застать «древней солнечной системы», которая уже пройдет свою космическую жизнь.

Безумец или гордец?

Тем и прекрасен человек, что он горд!

Если, русский Петр Громов властно распахивает ворота Храма Космоса, то американка Элен Кенни станет жрицей этого храма, хотя бы ей пришлось для этого влезть в окно. Она попадет в этот храм, откуда люди шагнут на другую планету.

ДРУГАЯ планета!

Самая близкая, но отделенная более чем третью миллиона километров межпланетного пространства неосознанных тайн; самая знакомая на ночном небосводе, но полная волшебного очарования и гипнотической силы; самая безучастная ко всему земному, но поднимающая воды наших океанов в живом дыхании приливов и даже тормозящая вращение Земли до двух тысячных секунды каждый век; самая изученная астрономами, наименовавшими ее условные моря и безусловные горы, но полная необъяснимых загадок гигантских кратеров и светлых геометрических лучей; самая обозримая, но никогда не показывающая человеку оборотной своей стороны; самая родная Земле, будто оторвавшаяся от нее, оставив впадину Великого океана, и самая на нее непохожая, мертвая, безвоздушная, покрытая циклопическими цирками и острозубыми, невыветривающимися скалами, дорогами лавы, равнинами без растений и почвы с золотыми и железными жилами прямо на поверхности.

Удивительная Луна!

Так пусть это будет не только Луна Петра Громова, Луна русских...

Элен остановилась перед зеркалом, решительно взяла большие ножницы и, не раздумывая, обрезала за маленьким ухом прядь волос. Прядь скатилась к ее ногам, свернулась там кольцом. Элен захватывала все новые и новые пряди и безжалостно отстригала свои чудесные волосы, они пышным ковром ложились на пол.

Элен, привычно щурясь, вглядывалась в зеркало, но не видела там себя. На нее чуть растерянно смотрела маленькая, незнакомая привлекательная женщина с совсем коротенькими волосами, «космическая Вероника»...

Элен наклонилась и потрогала волосы на полу, нежные, пушистые. Она собрала их в горсть и прижала к лицу. Они тонко и грустно пахли. Элен уткнулась в них лицом и заплакала.

Женщину часто плачут, срезав волосы.

Но ведь они не помещались в скафандре... их нельзя было бы там расчесывать...

Об этом сказала Эллен сама миссис Хент, после смерти газетного короля взявшая в свои верные руки дело мужа.

Это была худая, религиозная и энергичная дама с седыми буклями и ележным голосом.

Она благоволила к Эллен и охотно напечатала ее статьи «Вавилонская башня» и «Нога или лапа?», наделавшие, кстати сказать, немало шуму. Она огорчалась, что мисс Кенни все еще не устроила свою жизнь и беззаботно живет одинокой молодой женщиной, привлекающей к себе взгляды мужчин.

Вскоре после опубликования статьи «Нога или лапа?» миссис Хент вызвала к себе мисс Кенни.

Эллен стерла помаду с губ, вздохнула и отправилась к высокой покровительнице.

Секретарь Сэм с лоснящимся пробором и красивым угодливым лицом успел шепнуть, что у Биг-мэм (Большой мадам) что-то есть на уме.

«Очередное трудное интервью, поездка в Африку или светский скандал», — решила Эллен, сощурилась и открыла дверь.

Кабинет остался таким же, как при мистере Хенте, — совершенно пустой, из стекла и полированного дерева. Холодные, отделанные сверкающими панелями стены, жесткая блестящая мебель, огромные матовые стекла окон и тоже матовые стеклянные, но звуконепропускаемые двери.

— Садитесь, детка, — ласково сказала миссис Хент, снимая огромные очки в тяжелой темной оправе, которые делали ее чем-то похожей на покойного Хента, седого, жилистого и привычно здорового дельца, смерть которого вызвала недоумение.

Эллен скромно села на краешек стула и опустила ресницы.

— Вы знаете, как я забочусь р вашей судьбе, Эллен, — вкрадчиво начала Биг-мэм. — Я не остановилась бы ни перед чем, чтобы выдвинуть вас вперед. Газеты — вот что может сделать вам всемирное имя, детка. Не просто слава или деньги, даже много денег. Нет! Поколение молодых людей у ваших ног... Что вы скажете на это, дорогая?

— А как вы думаете, мэм? Это не слишком много — целое поколение?

— Для выбора? Совсем не так много. Вы стоите этого. Надеюсь, вы сумеете сделать удачный выбор, дорогая. Вы стали бы самой популярной женщиной мира.

Сердце Эллен сжалось. Она слишком все понимала, чтобы не догадаться, к чему клонит миссис Хент. Ведь где-то в глубине души Эллен и сама тайно думала об этом. Но разве можно говорить всерьез?.. Нужна специальная подготовка, огромные знания, как у Громова!..

Эллен искоса посмотрела на Биг-мэм.

— Газеты вышли бы трижды тройным тиражом, — продолжала та. — Весь мир следил бы за вашей судьбой, за каждым вашим шагом... Вы помните об этом парне, проводнике туристов, которого завалило в пещере? Репортеры пробирались в горы и брали у него

интервью через щель между камнями. У бедняги была придавлена нога, но он бодрился. Вся страна неистовствовала от интереса. Печаталось каждое слово о нем. Парень очень хотел жить... А сколько было сделано для его спасения! Вы, конечно, знаете всю эту историю?

— А что вы о ней думаете, мэм?

— Жаль, что он все-таки умер. С вами совсем иное дело. Конечно, надо уметь рисковать. Но мой покойный муж говорил, что, будь он губернатором или гангстером, самые трудные дела он поручал бы вам.

— От кого же из них я получу задание? — не удержалась Эллен.

Миссис Хент нахмурилась:

— Не надо быть колючей, как кактус. Мы с вами добрые христианки. Я забочусь о вас. Что будут стоить все мужчины на Луне, если там будет женщина!..

На Луне!.. У Эллен пробежал холодок по спине.

— Газета возьмет на себя все расходы, — откинулась на высокую и узкую спинку кресла миссис Хент.

— Сенсация принесет хороший доход. — борясь с волнением, деловито заметила Эллен.

— Не беспокойтесь, детка, вы получите свою долю. Но ваш бизнес будет куда большим. Вы сможете выйти замуж за короля или банкира, породниться с Рокфеллером, быть может... Целая эпоха будет носить ваше имя.

— Но я не умею управлять космическим кораблем. В Америке есть лишь одноместная ракета «Колумб». «Вавилонская башня», куда можно было бы стремиться попасть репортером, не строится...

Миссис Хент торжественно поднялась широкими шагами дева из Армии спасения прошла по кабинету, остановилась перед маленьким столиком и взяла в руки библию, потом положила ее на то же место, где она лежала.

— Во всяком деле нужно что-нибудь необычное, запоминающееся, — назидательно сказала она. — Не исполнительность службиста, а дерзость инициативы, вот что привлечет симпатии и интерес. Вы попадете на космический корабль в баллоне из-под кислорода. Это правильно, ибо женщина подобно кис породе — источник жизни. Дышать будете через аппарат скафандра, как на Луне. Только вам придется остричь волосы, у вас их слишком много, чтобы они поместились в шлеме. Вам не уда лось бы их расчесывать. Впрочем, короткая стрижка считается модной. Вы согласны, детка?

— А как вы думаете?

— Я думаю, как переправить вас на ракету. Вы, кажется, работали секретарем у бизнесмена?

— Он оказался гангстером.

— Так что вы знаете, дорогая, с кем вам придется иметь дело. Но лишь бы цель была святая, дочь моя. Каждый, кто будет помогать нам, сделает угодное богу дело. Это зачтется ему. Решайтесь, дорогая. Мне кажется, что вы из тех женщин, которые могут расстаться с волосами...

И вот «волосы Вероники» лежали у ног Эллен, а она сидела перед зеркалом, уже не плача, и долгим взглядом всматривалась в себя. Она видела перед собой ту, которая по своей воле, вопреки всем, ступит на Луну, полную тайн, волшебного очарования и гипнотической силы, ступит на Луну с ее дорогами лавы, равнинами без почвы и золотыми жилами на поверхности... Из зеркала на нее тревожно смотрела та, кто дерзко первой войдет в таинственный мир миров, мир несчетных звезд и еще более несчетных и неведомых планет, ступит на первую из них... Такого случая не было за всю историю человечества... И не будет больше никогда... Первыми бывают только однажды. Можно ли это упустить?..

Глава третья

НЕУМОЛИМОЕ УРАВНЕНИЕ

— Как вас зовут, детка? — спросил Малютка Билл.

— Вероника Лоуэлл, — сказала Эллен, разглядывая знаменитого гангстера, которого знала по фотографиям в журналах, правда, сама его еще никогда не фотографировала. Не так давно он угодил в тюрьму за... неуплату налога с очень значительных доходов. В тюрьме он давал интервью и вышел из нее сопровождаемый адвокатами и почитателями, как триумфатор.

Малютка Билл вовсе не был бандитом, соскочившим с обложки комикса. Он не носил мягкую шляпу на затылке, не курил сигар и не говорил на ужасном нью-йоркском жаргоне — сленге. Малютка Билл назывался Антонио Скиапорелли и очень гордился своей фамилией. Ведь итальянский астроном Скиапорелли первый открыл марсианские каналы! Говорят, в итальянском квартале у него жила семья: ревнивая жена и трое детей. Малютка Билл был низенького роста, благообразен, напоминал владельца магазина, был вежлив, жесток, рано полысел, но не утратил подвижности. Конечно, он не был бандитом в обычном понимании слова. Но его бизнес, которым он занимался с большим размахом, не укладывался, мягко говоря, в обычные, допустимые рамки. Хорошо оплачиваемые юристы почти всегда могли доказать, что его действия, по существу говоря, были законными. В самом деле, что незаконного можно усмотреть в том, что Малютка Билл помогал отправиться в путешествие «без билета» какой-то Веронике Лоуэлл. Если вы подсаживаете безбилетного пассажира в вагон частной железной дороги, то закон этого не карает, он предоставляет администрации дороги возможность взыскать с безбилетного штраф.

— Мне нужно снять с вас размеры, мисс Вероника, — сказал Малютка Билл тоном портного, принимающего заказ.

— Я вешу сто три фунта, — сказала Эллен.

— Что значат сто фунтиков там, где они насчитываются десятками тысяч!..

Малютка Билл не любил пустых разговоров с заказчицей, с Большой Мадам, как ее зовут, у него особых разговоров о лишних фунтах не было. Когда об этом зашла речь, то она сказала, что все будет так, как угодно богу, важно, чтобы читатели волновались, они станут больше покупать газет. Значит, основная забота — сделать для девочки скафандр и поместить ее в баллон, с виду точно такой же, как те, которые будут грузиться в ракету. Подменить один из них будет не так уж трудно. Кто заметит, что у него отвинчивается изнутри крышка? Вероника Лоуэлл! Это имя, пожалуй, в самом деле станет знаменитым...

Малютка Билл в своем бизнесе считал себя вполне добросовестным. Баллон переделывали хорошие инженеры. В нем было устроено сиденье немногим хуже, чем кресло пилота. Всякие там пружинные амортизаторы, смягчающие толчок взлета, и прочие Премудрости были предусмотрены. Баллон «с содержимым» получился, конечно, тяжелее других, но на руках его никто таскать не будет, а машины лишнего груза и не почувствуют...

Расчет Малютки Билла был абсолютно точен. Фирма, поставившая баллоны с кислородом, получила один из них в готовом виде. Он был погружен вместе со всеми в грузовик. Вернее, он уже стоял в кузове грузовика, когда тот въехал во двор завода. Приглашенный из цирка иллюзионист очень искусно скрыл его от взглядов зеркалом, которое исчезало по желанию шофера. Оно и исчезло, когда баллоны начали грузить. Баллоны пересчитали, и оказалось, их было уже достаточно, напрасно хотели грузить еще один.

Грузовик благополучно выехал со двора и доставил баллоны прямо в космопорт, где погрузочные краны тотчас поместили их в ракету «Колумб», готовящуюся к полету.

В одном из баллонов сидела Эллен. Она очень страдала, но не от духоты или жары. Чудесный космический костюм, который был на нее надет, автоматически поддерживал нормальную температуру, дыхательный аппарат работал безукоризненно. Эллен могла бы уже чувствовать себя в космосе. Страдала она от другого — от темноты, от крошечной тьмы, которая ее окружала... Это было оплошностью Малютки Билла, но ее не снабдили электрическим фонариком. Эллен не побоялась отправиться в космос, но темноты она боялась... Темноты и тишины... Ей бывало лучше, когда снаружи доносились звуки, грохот машин, крики людей. Но перед стартом ракеты все стихло, и это были самые страшные минуты. Предстоящего взлета Эллен ждала как избавления, она знала, что перегрузка при взлете не превышает перегрузки организма при пикировании самолета, а она сама водила спортивные самолеты и проделывала на них опасные фигуры пилотажа... Кроме того, у нее была пилюля снотворного средства, которое должен был по инструкции принять и пилот. Взлет пройдет легко, но вот темнота и тишина...

И Эллен приняла таблетку раньше, чем это было нужно для взлета. Сознание затуманилось. Она почему-то подумала о Громе. Увидела себя в спортивном зале космического института. Люди с пружинной сетки подпрыгивали высоко под потолок. Так будет на Луне... Там будет легко, совсем легко... И она провалилась в пустоту...

Сознание возвращалось постепенно. Почему-то она сначала увидела маму. Мама была жива. У нее было ласковое, озабоченное лицо, и она все время поправляла так знакомые Эллен с детства очки. Потом очки исчезли, и милые близорукие глаза стали еще ласковее.

— Мама! — крикнула Эллен и проснулась.

Холодный ужас объял ее... Ей показалось, что она перестала существовать. Она не ощущала себя... она ничего не видела, ничего не слышала, и она... ничего не весила... Вокруг были стенки гроба... Она коснулась их руками... И это было первым ощущением, вернувшим, наконец, ее к действительности...

Ее тело ничего не весит! Она — в космосе! Но, может быть, она погибла при взлете? Нет! Все так, как надо. Она — первая американка в межпланетном пространстве, она будет первой женщиной на Луне. Предстоит только открыть крышку баллона и... подружиться с пилотом Томом Годвином.

Для настоящей женщины, какой себя Эллен считала, это будет не так уж трудно...

Эллен легко отвинтила крышку баллона и высунула голову. В складском отсеке «Колумба», где хранились баллоны, было темно.

Эллен осторожно выбралась. Вернее, держась за край баллона, она легко всплыла из него и ударилась о потолок отсека.

Эллен хорошо изучила план расположения помещений «Колумба», широковещательно разрекламированный в печати. Ей удалось отыскать люк в кабину пилота и открыть его. К счастью, он не был плотно задраен...

Едва отодвинула она крышку люка, как в грузовой отсек ворвался луч света.

И все страхи Эллен сразу исчезли. Цель ее достигнута. Она летит в американской ракете среди звезд, в вечном космосе!.. Она невесома, значит, двигатели ракеты даже не почувствовали ее веса, или он был предусмотрительно компенсирован Антонио Скиапорелли...

Пилот Том Годвин спал. Действие снотворного еще не кончилось. Очевидно, он принял его позже. Он лежал огромный, в кажущемся еще более огромным кресле. Перед

ним жили, двигались стрелки приборов, зажигались и гасли лампочки, отражающие работу автоматов.

Но Эллен не обратила на них внимания. Она была заморожена окном впереди. В нем было видно страшное спрутообразное яркое Солнце, рядом с которым на неправдоподобно черной саже неба пристально горели немигающие звезды.

А справа была Луна... Она закрывала пол-окна, похожая на огромную учебную карту, объемную, с резкими тенями, заметными больше, чем неровности планеты.

Эллен улыбнулась Луне. Это была «ее Луна»... Потом попыталась понять, что она в ста тысячах километров от Земли... Осознать это все равно было невозможно, и она, как в ознобе, передернула плечами.

Том Годвин шевельнулся. Эллен спряталась за его спиной, ожидая, когда он проснется.

И он проснулся... Что-то встревожило его. Он стал говорить с Землей... о топливе. Наконец он увидел Эллен... Может быть, испугался, но скорее был раздосадован... Во всяком случае он не очень считался с тем, как должен говорить джентльмен. Может быть, ему не хватало воспитания. Во всяком случае она старалась установить с ним хорошие отношения и призналась ему, кто она и как попала на космический корабль.

Эллен сидела на краю пульта и покачивала ногой. Скафандр, пожалуй, был даже элегантен. По крайней мере она выглядела в нем эффектно, откинув шлем за спину...

— Слушайте, мэм, — сказал Том Годвин, вынимая из какого-то прибора перфорированную карточку. — Понимаете ли вы, что ваш Малютка Билл вместе с миссис Хент не позаботились о том, чтобы вес ракеты не превышал расчетного? Понимаете ли вы теперь, что ваши сто фунтов здесь лишние? — Том Годвин посмотрел Эллен прямо в лицо и невольно подумал, что на Земле она показалась бы ему интересной. Он спохватился и внушительно добавил: — При взлете автоматы делали свое дело, набирали нужную скорость и перерасходовали на ваш лишний вес топливо, и теперь...

— Что теперь? — спокойно поинтересовалась Эллен, с любопытством разглядывая обстановку кабины.

Том Годвин взглянул на перфорированную карточку.

— Вы можете находиться на борту еще 27 минут.

— Поезд подходит к станции? — чуть насмешливо спросила Эллен, отлично понимая, что выйти в космосе негде.

— Нет. В математическое уравнение приходят ваши сто лишних фунтов, и оно становится неумолимым уравнением...

— Можно закурить сигарету? — спросила Эллен, тревожно вглядываясь в суровое лицо астронавта.

— На горение табака тратится кислород. А он рассчитан на одного... человекообразного... — с нарочитой жесткостью произнес пилот.

— Годвин! С вами женщина!..

— Черт возьми! В этом вся и беда! — в отчаянии стукнул кулаком по пульту пилот. — Закон космоса не делает разницы между мужчинами и женщинами.

— А вы? — вызывающе бросила Эллен.

— Я не закон, мэм. Я только служака. Вот радиограмма, ответ на мой рапорт о вашем появлении. — И он устало прочитал: «Выполняйте инструкцию».

Эллен улыбнулась.

Тогда он начал говорить терпеливо, как школьнице:

— Топлива, как подсчитала вычислительная машина, не хватит, чтобы посадить на Луну двух человек, а врученная мне инструкция гласит, что всякий, незаконно оказавшийся на борту космического корабля, подлежит немедленному уничтожению... в данном случае через двадцать семь... нет, уже через двадцать три минуты...

— Вы шутите, Годвин! — едва сдерживая себя, воскликнула начинающая все понимать Эллен.

— Я хотел бы проснуться, мэм, — упавшим голосом ответил Годвин.

Он с болью смотрел на молодую женщину. Он видел ужас на ее лице. Раздражение против нее сразу исчезло. Что чувствует сейчас она, бедняжка?.. Что привело ее сюда? Легкомыслие, авантюризм или отвага? Что она рассчитывала найти? Шум всемирной славы на Земле и таинственный мир покоя в космосе? Эх, девчонка! Здесь нет покоя! В космосе движется все: ничтожная молекула газового облака и планетная система звезды, одинокий метеорит или медленно вращающийся, но летящий с жуткой скоростью звездный остров галактики... Здесь нет покоя, как нет пощады или жалости! Законы космоса так же просты и ясны, как притяжение, и как же неумолимы... Энергия, скорость, вес... Лишний вес может находиться на борту еще двадцать одну минуту. Инструкция ясна, как алгебраическая формула.

Все это сбивчиво, стараясь теперь щадить Эллен, объяснял ей Том Годвин, космический пилот...

Он встал с кресла, усадил в него Эллен, сам взволнованно ходил по тесной кабине.

— Теперь я поняла, что такое неумолимое уравнение. Спасибо, Годвин, — чужим, каким-то пустым голосом произнесла она...

Да, внутри у нее была пустота, пришедшая взамен мгновенному ужасу, который холодом обжег ее. Теперь осталась только пустота.

— Слушайте, Эллен. Это чертовски глупо, — сказал Годвин, в растерянности останавливаясь у кресла.

— Глупо, Том. Очень глупо, — послушно согласилась она.

Они впервые назвали друг друга по имени. Это произошло само собой, произвольно и просто.

— И вы так спокойны? — спросил Годвин.

— Нет, Годвин. Нет, Том... Я не спокойна... — не меня голоса, но доверительно сказала Эллен.

— Вы настоящая девушка! — воскликнул Годвин и отвернулся к окну.

— Сколько осталось минут? — донесся до него усталый голос Эллен.

— Тринадцать, — сказал он, боясь обернуться.

— Она сдержит свое слово, — в раздумье говорила Эллен. — Мое имя будет набрано только крупным шрифтом. Газеты выйдут тройным тиражом...

— Все Хенты подлецы! — в бешенстве крикнул Годвин.

Эллен потянулась к нему:

— Годвин! Для меня вы — весь мир, который я покидаю.

Годвин почувствовал в этих словах столько искренности, отчаяния и в то же время силы, что мог только промычать:

— Да, мэм, но...

Потом она откинулась на спинку кресла и сказала с горькой иронией:

— А я всегда говорила, прощаясь: «Может быть, увидимся»...

Глава четвертая

ИСКАТЕЛЬ

— Ну, как? Упадет на Луну? — глухо спросил командир «Искателя».

— Проверяю ответ, — отозвался Аникин.

Громов подошел к окну. Магнитные подошвы ботинок, прилипая к полу, позволяли ходить по кабине и при невесомости.

В окне виднелось красноватое, как на закате, солнце. Если бы не огненная корона на черном небе, оно было бы совсем земным. Громов нажал кнопку. Пленка светофильтра сбежала с окна. Ворвались ослепительные лучи космического светила, не живительно ласковые. смягченные атмосферой, как на Земле, а яростно резкие, жесткие...

Аникин, не поворачивая к командиру лица, чтобы не смотреть на солнце и не встречаться с Громовым глазами, сказал:

— Никуда и никогда не упадет. Станет вечным спутником Луны. Орбита — вытянутый эллипс. Пройдет над лунными горами и уйдет далеко к Солнцу.

Из репродуктора послышался бас академика Белоусова, начальника штаба перелета:

— Искатель! Искатель! Я — Земля!

Громов сел к пульту и пододвинул к себе микрофон:

— Я — Громов. Слушаю, Василий Афанасьевич.

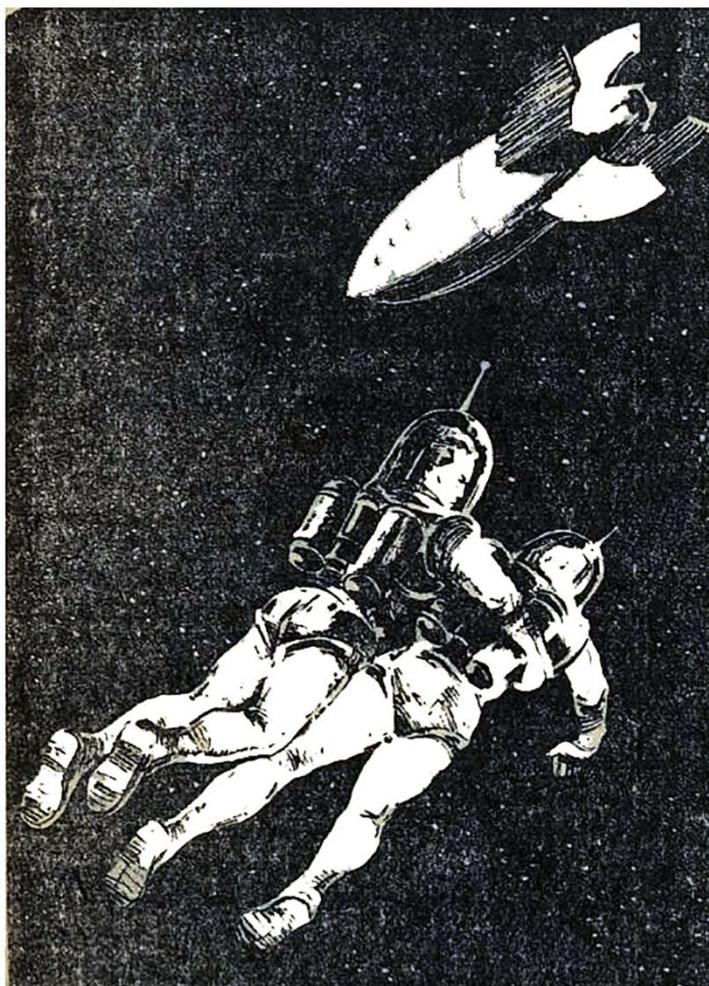
— Определили орбиту?

— Станет спутником Луны. Кто этот несчастный?

— На борту «Колумба» оказалась журналистка Эллен Кенни.

— Эллен Кенни! Она же была у нас!.. Называла нас лунатиками...

— Американский пилот Том Годвин получил приказ выполнить инструкцию и уничтожить незаконного пассажира.

Громов перевел взгляд на экран. Скафандр по-прежнему был опрокинут ногами вверх и медленно поворачивался. Его раскинутые руки уходили за край экрана, но колпак шлема был отчетливо виден в его нижней части.

— Если бы он уничтожил ее, он не надел бы на нее шлема, — сказал Громов. — Что это? Жестокая пытка временем или надежда на нашу помощь?

— Оказать помощь можете, если вам позволят резервы топлива. Решение за вами, Петр Сергеевич, — закончил академик.

— Ваня! — позвал Громов, выключив связь.

— Есть дать ведомость резервов, — угадал приказание Аникин.

Громов встал к окну, уперся руками в его раму. Перед ним были острые гребни кольцевых гор, черные резкие тени, извилистые трещины, дикий, контрастный ландшафт... Желанная планета...

Аникин пододвинул Громову конторскую книгу.

— Задавай программу электронно-вычислительной машине выбросить все, что возможно, — скомандовал Громов. — На борту нас будет трое...

Сравнительно недалеко от «Искателя» шел второй такой же корабль «Искатель-II». Вместо кабины звездолетчиков на нем. помещалась танкетка Евгения Громова.

А в Москве, в лаборатории космического института внутри макета летящей в космос танкетки сидел Евгений Громов. В окнах-телеэкранах он видел небо мрака с мертвыми огнями звезд и ослепительным спрутом Солнца, надвигающуюся Луну цирков и теней. Со штабом перелета он поддерживал связь через обычный телефон; перенесенный из лаборатории. Раздался звонок, и Евгений снял трубку:

— Слушаю, Василий Афанасьевич. Не может быть! Это невероятно!.. Позвольте, я оставляю управлять ракетой Наташу, сам забегу к вам... Хорошо. Остаюсь... Будет исполнено.

Евгений открыл дверцу макета танкетки.

— Наташа! — громко крикнул Евгений. — Ты слышишь, что творится?..

— Я здесь, Женя. — Наташа выбежала из соседней комнаты. Порывистая. она остановилась перед дверцей, тяжело дыша.

— Нам приказано изменить место посадки... — сказал Евгений. — Сесть рядом с «Колумбом», где бы тот ни опустился. Что там стряслось?

— С «Колумбом» потеряна связь. В космосе—женщина... — выпалила Наташа.

— Какая женщина? Что за чепуха!..

— Тебя не отрывали. Женя, пока ты вел ракету. Тому Годвину приказали выбросить женщину, журналистку Эллен Кенни.

— Как же она там оказалась?.. Погибнуть так нелепо!..

— Из-за. нее еще могут погибнуть Петр и Ваня Аникин, — с тоской сказала Наташа. — Они пойдут на пересечение с ее орбитой...

— Ах, вот как!.. Так мне спускаться около ракеты Годвина! Ну, хорошо же!.. У меня будет с ним мужской разговор!..

— Женя, будь осторожен. Танкетка может еще очень понадобится. Для Петра... — тихо добавила Наташа.

Евгений захлопнул дверцу макета...

Громов выжидательно повернулся к Аникину. Рубленые черты, его лица стали резче. Казалось, он уже знает ответ...

— Математика — точная наука, — смущенно сказал Аникин и протянул командиру перфорированную карточку. — Если пойдем догонять — резерва топлива не хватит. На Землю уже всем троим не вернуться...

Громов поморщился:

— Читаешь, как смертный приговор.

— Так это и есть приговор. Ей или нам всем.

Лицо Громова окаменело.

— Высший суд математики... Нет, ведь есть еще Совесть и Долг. Меняем курс. Пересечем ее орбиту... Приготовиться!

— Петр Сергеевич! — Аникин вскочил. — Не могу я... Инструкция... Земля!..

— Прекрати, — отрезал Громов. — Если человек за бортом, капитан не запрашивает порт.

Громов сел за пульт управления. Аникин почувствовал, что его прижало к сиденью, тело налилось свинцом, в глазах потемнело... Заработали двигатели, меняя курс, выводя ракету на новую орбиту, расходуя невозполнимое топливо...

Аникин сидел хмурый.

— Так держать! — повторил он и мрачно добавил: — А как вернемся... втроем-то?

Громов надевал скафандр. Он внушительно сказал:

— Сначала выполни долг человека...

Громов надел космический костюм с откинутым за спину колпаком шлема. Он следил за экраном локатора и все время уменьшал увеличение, потому что скафандр рос, не уминаясь на экране. Летя к точке пересечения орбит, он приближался к «Искателю».

Время текло бесконечно медленно, но настал, наконец, миг, когда Громов выключил локатор. Экран потух. Одинокий скафандр был виден меж звезд через окно. Он летел ногами вперед...

Аникин включил дюзы торможения, уравнивая скорости.

Громов взял ракетницу, напоминающую дуэльный пистолет, и молча пожал Аникину руку. Но тот вскочил и обнял командира.

Громов вошел в воздушный шлюз. Аникин запер за ним дверь, включил насосы, перекачивавшие воздух из шлюза в кабину.

Перед самым лицом Громова, прикрытого прозрачным колпаком, двигалась стрелка манометра. Она дошла до красной черты. Наружный люк сам собой открылся.

Перед Громовым был черный беспредельный простор миллионов световых лет, сверкающих центров атомного кипения материи, звезд горящих и рождающихся, планет

цветущих, выжженных или обледенелых, бездонный мир миров, в котором человек ничтожнее песчинки...

Озноб прошел по спине у Громова. Магнитные подошвы словно приросли к металлу «Искателя».

Но Громов шагнул все-таки вперед, оттолкнулся ногой и почувствовал, что летит в пустоте... Мир звезд закрутился перед ним огненным колесом.

Пока Громов был в ракете, он находился в окружении знакомых вещей, с ним был Ваня, а здесь... Громов закусил губу и почувствовал соленый, вкус во рту. Очень трудно было повернуться... За Земле он тренировался в затыжных прыжках с парашютом, но сейчас земные навыки исчезли. Тело его при прыжке получило вращение, с которым, каялось, невозможно было справиться.

Собственно, он не ощущал вращения. Вращался вокруг него небосвод. Когда он прижимал к себе руки, косматое Солнце превращалось в огненный круг, а звезды исчезали в сетке светлых нитей... Носились вокруг него по кругу и скафандр, цель его путешествия, и ракета, которую он только что оставил.

Громов нацелился в «Искатель», нажал спусковой курок ракетницы, и тотчас корабль понесся уже не по кругу, а по развертывающейся спирали, он стал удаляться, словно Аникин решил бросить командира в межзвездной пустоте...

Одинокий же скафандр тоже по спирали стал приближаться. Человек в нем, очевидно, уже давно потерял создание, если вообще был жив...

Используя как внешнюю силу легкую отдачу ракетницы, Громову, наконец, удалось остановить свое вращение. Звезды, Солнце, ракетный корабль и скафандр остановились, тревожно замерли. Двигался только Громов. Приближаясь к скафандру, он старался разглядеть в шлеме лицо межзвездного скитальца, но приходилось смотреть почти прямо на Солнце, и оно слепило.

Наконец Громов налетел на скафандр, крепко обхватил его и почувствовал, что начал снова вращаться, но теперь уже вдвоем.

Аникин с волнением наблюдал за маневром командира. Два скафандра сначала вращались, как в борьбе, потом замерли в дружеском объятии.

— Петр Сергеевич, жива ли она? — спросил Аникин по радио. Ему вдруг стало страшно от мысли, что Громов оттолкнет сейчас от себя труп и вернется на корабль один.

Но Громов крепко обнимал скафандр.

— Приготовь нашатырный спирт, — слышался его голос из репродуктора.

Громову не сразу удалось добраться до люка. Он ударился о корпус ракеты, ближе к хвостовым дюзам. Пот заливал ему глаза, казалось, что они полны слез... Может быть, это так и было...

Хватаясь одной рукой за наружные скобы, другой держа спасенного, он достиг, наконец, люка шлюза. Он был открыт. ждал его. Громов ступил в него почти как домой...

Аникин не мог побороть дрожь, смотря на стрелку манометра. Наконец, она показала, что давление в шлюзе и кабине одинаково, и дверь открылась.

В кабину медленно вплыл чужой скафандр с невесомым телом человека.

Аникин принял его на руки и заглянул в прозрачный шлём. Какова она, побывавшая меж звезд?..

Глаза Аникина широко открылись. Громов откидывал колпак шлема спасенного.

Звездолетчики рассматривали некрасивое лицо с тяжелым щетинистым подбородком. широко расставленными глазами и неожиданно смешной ямочкой на правой щеке...

Том Годвин!..

— Да... человек! — протянул Аникин.

— Он решил по-своему неумолимое уравнение, — сказал Громов, — как не пришло в голову его хозяевам. Они считали космос жестоким и всеильным, а этот простой американский парень...

— Настоящий парень... Этот не стал бы вам мешать...

— Нашатырь!.. Растирай как следует... Теперь забота о ней, о мисс Кенни. Надеюсь, он включил автоматы спуска.

Звездолетчики расстегнули скафандр американца, растерли его грудь, дали понюхать нашатырного спирта.

Американский пилот вздохнул, открыл глаза, зажмурил их, словно боясь проснуться. наконец снова открыл и улыбнулся.

— Русские, — прошептал он.

— Будем жить! — сказал Громов по-английски, потрепав американца по плечу, и добавил: — Вместе.

Глава пятая

ЛАПА

Над сверкающими в лучах солнца скалами в черном звездном небе появился хвост кометы.

Комета быстро росла, проходя одно созвездие за другим. Она летела к Луне хвостом вперед.

Совершенно беззвучно, без всякого грохота вырывались из дюз раскаленные газы, тормозя снижающийся космический корабль.

Могло показаться, что кинолента с заснятым взлетом ракеты запущена сейчас в обратную сторону. Все медленнее падало, наконец, почти повисло над скалами

серебристое тело. Огненный луч уперся в камни, сдул с них вековую пыль. Клубы дыма и пыли впервые за многие лунные века расплылись внизу...

На серое облако, как на мягкую подушку, осторожно садился космический снаряд. В нижней части аппарата появились три металлических лапы, полускрытые дымом.

В настороженной тишине одна из лап оперлась о лунную скалу, словно осуществляя впервые в космосе межпланетное «рукопожатие».

Потом коснулась лунного камня и вторая лапа, а третья...

Третья лапа повисла над обрывом.

Ощувив опору первой лапы, послушные автоматы в тупой исполнительности выключили дюзы. Исчезло пламя, но продолжал еще клубиться дым...

Серебристый каплевидный гигант стал крениться... Беспомощным движением слепца искала протянутая лапа опору. Под нею была пропасть...

Опасно накренился межпланетный корабль, но никто не выправил ошибку автоматов, не включил дюзы, не предотвратил падения.

В немом ужасе застыла у окна единственная пассажирка корабля, так и не пришедшая в себя после исчезновения пилота...

Пилот исчез, зайдя ей за спину, когда она сидела в кресле, закинув назад голову, готовая к удару в висок или выстрелу из револьвера, который она сама же вынула из сумочки и положила на пульт. Этой игрушкой она хотела устроить космического пилота, теперь исполнителя закона космоса, закона жестокого, неотвратимого...

С горькой иронией она сказала:

— А я говорила: «Может быть, увидимся...».

Никогда он не увидит ее, никогда...

Но истинный смысл этого она поняла, лишь заметив на пульте записку: «Включил автоматы спуска и сигнал бедствия. Бог да поможет вам, Эль, на Луне. Том».

И больше ни слова.

Он ушел, уступив ей жизнь и место в ракете, которая расчетливо снижалась теперь над лунной пустыней.

Том Годвин по-своему решил неумолимое уравнение, а маленькая Эллен Кенни вдруг в холодном ознобе ощутила, что она совершенно одна в космосе, беспомощная и обреченная...

Она сидела в кресле пилота, сжав виски ладонями. В репродукторе слышалось имя Тома Годвина. Его вызывали с Земли. Очевидно, он ничего не сказал о своем решении, о своем поступке...

Эллен не отвечала. Ей казалось кощунством отозваться вместо Тома Годвина, заставить людей на Земле содрогнуться при звуке ее голоса...

Луна приближалась. Эллен летела уже не в космосе, а над гигантской, распростершейся под нею страной острых гор.

Ракета сама собой поворачивалась, лунные хребты были теперь под кабиной пилота, но поверхность планеты все равно была видна в боковые окна... Горизонт казался огромным, но четким, не расплывался в дымке, как на Земле...

Все ближе были лунные скалы.

С болью обреченности воспринимала Эллен никогда, никем не виденный пейзаж, жадно впитывала каждую его деталь... Ах, если бы она могла его описать!.. Но этого никогда не будет... И все же...

Как поражали эти дикие скалы, сверкавшие платиной на фоне... черного звездного неба! Раскаленные разящим солнцем, они возвышались над пепельно-серой равниной, крутые, отвесные, как грозные берега взбешенного моря. Но море здесь было твердым, каменным, мертвым, засыпанным тысячелетней пылью. Трещины, широкие и извилистые, с острыми краями пропастей, там и тут разрывали его. Резкие тени гор были кромешной тьмой среди белого дня. Они поглощали часть равнины, выглядя провалами в бездну...

В мире без полутонов и полутеней, где нет рассеянного в воздухе света, все, что под солнцем, — ослепительно, что не освещено, — невидимо.

Платиновые скалы резко, без уступов, уходили ввысь, превращаясь в горный хребет, зубцами закрывший горизонт. В противоположной горам стороне он был удивительно близким и выпуклым, как огромный холм.

И, конечно, ни кустика, ни травинки не увидела Эллен вокруг. Здесь ничто не росло... И здесь не было движения. Ни один камешек не скатывался с крутых склонов, ветер не тревожил пыльный налет, не вздымал слежавшиеся хлопья, не гнал их облачком над камнями. Полная и безусловная тишина вечно стояла там, где не было звуков и не было ветра, более того, не было воздуха, который передал бы звук, не было дыхания и всего, что дышит; не было жизни... И само время, казалось, не властно было что-либо изменить в неизменном лунном мире, где ничто не начиналось и не кончалось, где все уже кончилось...

И все же он был странно красив, этот мрачный лунный мир, первозданно дикий, ничем не тронутый — ни ветром, ни временем, отталкивающе страшный и притягательно таинственный...

Эллен ощутила крен корабля. Мелькнуло вверху черное небо космоса, наклонились готовые рухнуть на Эллен лунные скалы.

Она судорожно вцепилась в ручки кресла, пол кабины уходил из-под ног...

Потом все завертелось. Приборы пульты оказались над Эллен. Разжались ее руки, она вывалилась из кресла, ударилась о потолок, который был теперь внизу.

Серебристая ракета с надписью «Колумб» сорвалась в пропасть... Она задевала выступы обрыва, подпрыгивала на них и скатывалась все ниже, изуродованная, с вмятинами, потеряв усы антенн, обломав посадочные лапы.

Будь это на Земле, от аппарата давно ничего не осталось бы, но здесь, на Луне, где тяжесть была в шесть раз меньше, соответственно медленнее набиралась скорость падения... И только на Луне мог задержаться на незаметном выступе корабль, повиснув над пропастью...

Оглушенная Эллен уцелела только потому, что успела надеть перед посадкой колпак шлема на голову. Удар о потолок кабины пришелся по колпаку и передался на плечи,

Все же сотрясение было очень сильным. Перекатываясь по кабине, Эллен несколько раз ударилась головой о стенки шлема и почувствовала, что проваливается в лунную тень...

Неизменен лунный мир.

Недвижны даже тени. Казалось, ночь никогда не сменит ослепительно жуткий день...

По крайней мере, за то время, пока Эллен была без сознания, тени, если и передвинулись, то неощутимо. Можно было подумать, что Эллен очнулась через несколько минут, а не через несколько часов... Сутки на Луне равны земному месяцу...

Сознание возвращалось постепенно. Все плыло перед взором. Свод потолка, ночное небо в проеме...

Где она?

Сквозь слезы помутнел сводчатый потолок, превратился в зеркало, в которое смотрелась космическая Вероника, отстригая себе пряди волос...

Волосы Вероники!.. Планетная песчинка где-то в глубинах созвездия... и ужас перед необъятностью космоса.

Эллен приподнялась на локте и осмотрелась.

В окна заглядывали яркие на солнце, в тени черные острые камни, незакругленные, словно недавно расколотые... И всюду камни, одни камни...

Есть ли что-нибудь на Луне, кроме камней?

На Луне!..

Никакой гордости не ощущала Эллен, достигшая другой планеты, ничего, кроме боли, усталости и ужаса.

Что, если среди этих камней живут неведомые чудовища? Что, если напрасно принес себя в жертву отважный пилот Том Годвин?

Краска стыда залила лицо Эллен. Она даже не сообщила о его подвиге на Землю.

Репродуктор свисал на обрывках проводов у Эллен над головой. Битые стекла циферблатов засыпали оказавшуюся внизу стенку. Там же валялся несчастный дамский пистолет Эллен...

Эллен попробовала встать. Голова кружилась. Хотелось вытереть платком лицо, но снять шлем было страшно. Кабина могла быть повреждена, воздух — выйти наружу!..

Но какая страшная тишина небытия вокруг!..

Эллен вздрогнула и замерла... Конечно, это уже галлюцинация слуха. В тишине бывают свои миражи, как в пустыне...

И снова она услышала продирающий по коже, скрежещущий звук.

Эллен отвернулась от окна, заслоненного острыми скалами, и едва не вскрикнула от ужаса.

В противоположном окне она увидела страшную когтистую лапу...

Холод пробежал по спине и прояснил голову.

Не спуская глаз со скрежещущей по металлу лапы, она подняла револьвер.

Одну за другой выпускала она пули в лапу, но все они отскакивали от стекла-брони, рассчитанного на встречи с мелкими метеоритами.

В отчаянье отбросила Эллен револьвер.

Лапа исчезла.

Может быть, все это лишь почудилось ей? На Луне не может быть ничего живого...

Но лапа, опровергая все земные гипотезы, снова появилась в окне. На этот раз она держала огромный камень, который на Земле мог бы поднять лишь мощный подъемный кран.

Эллен отступила, прижалась спиной к противоположной стенке. Она не верила глазам. Она поняла, что это конец, сдвинула брови, закусила тонкие губы.

Страшный стук и звон сотрясли кабину. Лапа с непостижимой силой била глыбой по стеклу.

На Луне меньший, чем на Земле, вес, но сила инерции та же самая, она зависит лишь от массы и скорости ее движения...

Чудовищная лапа с сокрушительной силой ударяла глыбой по окну.

Стекло выдержало, но рама окна подалась.

С грохотом влетела она в кабину.

Эллен стояла окаменевшая, готовая к борьбе...

В образовавшийся проем просунулись две лапы. Они шарили по кабине, приближаясь к несчастной Эллен.

Все ближе были растопыренные когтистые пальцы... Да, да! Пальцы!.. «Значит, у них здесь на Луне тоже пальцы!» — мелькнуло в мозгу Эллен, словно это могло бы иметь сейчас хоть какое-то значение.

Пальцы коснулись Эллен. Они сжали тщетно вырывавшуюся Эллен и выволокли ее через проем выбитого окна наружу, на поверхность Луны...

Поднятая высоко над камнями Эллен успела увидеть, как «Колумб», потеряв равновесие, качнулся и сорвался в пропасть. На выступе обрыва космический корабль подпрыгнул и исчез в крошечной тьме трещины...

С ним было все кончено.

Глава шестая

МИРАЖ И СЕЛЕНА

Газеты вышли трижды тройным тиражом. Особенно преуспела «Уорльд курьер», специальная корреспондентка которой стала космической героиней.

Не было семьи на Земле, где не считали бы своими близкими лунных путешественников, где не тревожились бы о них. Специальные бюллетени ежечасно сообщали о движении ракет.

Из сообщения ТАСС мир узнал об уходе «Искателя» в сторону от Луны и спасении американского звездного пилота Тома Годвина.

Президент США прислал правительству СССР телеграмму сердечной благодарности от имени всех американцев.

Об Эллен Кенни ничего не было известно. Ее портреты, напечатанные в миллионах экземпляров, все до последнего были вырезаны читателями газет, спрятаны в бумажники, сумочки, наклеены в тетради, альбомы, приколоты на стенах...

Маленькая американка, щурясь, улыбалась людям Земли...

Эллен зажмурилась. У нее не хватало силы открыть глаза. Сейчас когти начнут рвать ее тело. Если бы сбросить шлем, покончить все разом... Но страшные, жесткие лапы держали крепко.

Она почувствовала, что ее осторожно поставили на камни... и отпустили.

Глаза открылись.

Лунные скалы, свет и тень, черное небо, косматое Солнце, звезды. Нет! Ничего этого она не заметила.

Перед ней стояла знакомая танкетка, а в ней за стеклом кабины сидел земной, близкий, встревоженно улыбающийся Евгений Громов в голубой тенниске с короткими рукавами...

Эллен сквозь слезы улыбнулась молодому Громову, ничего не понимая.

— Да! А лапы? — спохватилась она.

Они лежали, огромные, металлические, у ее ног. Боже! Да ведь это же манипулятор, механические руки, которыми была оборудована предназначенная для Луны танкетка. Ими управляет этот юноша изнутри...

— Мисс Кенни! — услышала Эллен в шлемофоне. — У вас включено радио? Как это получилось?.. Я искал «Колумб», но рассчитывал на мужской разговор.

— Оказывается, я совсем не понимала мужчин! — борясь с рыданием, воскликнула Эллен. — Когда мы с вами вернемся на Землю...

Громов смутился:

— Мисс Кенни, я первый встречу вас на Земле...

Эллен побледнела. Она вдруг поняла все, вспомнила... Этой танкеткой управляют с Земли. Никакого ее спасителя нет на Луне, он находится на Земле, в корпусе Космического института на липовой аллее. А здесь... в этом чужом страшном мире, среди нависших скал и бездонной тьмы провалов, здесь она одна...

И она рванулась вперед, прижалась к металлу земной машины.

— Я с вами, мисс Кенни... с вами, — твердил Евгений.

— Вы правда со мной? — прошептала она. — Я так испугалась... этих лап... А сейчас еще страшнее... Можно мне к вам?

— Конечно. Забирайтесь на корпус танкетки. Я помогу манипулятором. Можно?

— Да. Теперь можно...

— «Искатель» пошел спасать человека в космосе...

— Как? Его можно спасти? Боже! Вы можете запросить о нем Землю? Ах, да!.. Вы же ведь сами на Земле!..

Сигнальная лампочка замигала на пульте «Искателя».

— Внимание! Вызывает Земля! — крикнул Аникин.

Петр Громов и американец Годвин, стоявшие у окна кабины, повернулись к пульту.

— Это Евгений. Он разыскал «Колумб» между Озером Снов и Заливом Мертвых. Он выручил девушку из неприятности. Пляши, Том!

— Можно было бы выбрать более приятные названия, — ворчливо отозвался Годвин, тщетно стараясь скрыть радость.

— Вы хотели сесть за рули, Годвин, — позвал Громов. — Выводите корабль на вычисленную орбиту. К сожалению, не придется облететь Луну...

— Спасибо за честь, командор. Никогда не хотел быть пассажиром. Теперь я спокоен за девочку. А что касается другого лунного полушария, то нам и на этом дело найдется. Луна — планета сокровищ. Надо только нагнуться. Я сумею вам хорошо заплатить, командор. Спасательная экспедиция, топливо — все за мой счет.

Американец говорил совершенно серьезно. Петр Громов сдержал улыбку и промолчал. Но Аникин лукаво спросил:

— А у тебя много на банковском счете, приятель?

— Пока только тридцать пять прожитых лет, — ответил Годвин.

Танкетка двигалась под отвесными скалами. На серо-пепельной равнине застывшими волнами поднимались длинные гряды камней. Пепел не удержался на острых гребнях, и они, беловатые, издали напоминали барашки, с которых морской ветер срывает брызги...

За танкеткой тянулся след гусениц. Они отпечатались в пепле, оттененные черной, как сажа, кромкой.

Танкетку трясло и бросало. Ровное каменное море оказалось «бурным»... Эллен не удержалась бы на кузове, если бы ее не полубняла, заботливо поддерживая, механическая рука манипулятора.

Эллен переводила взгляд с бело-черных лунных красок на мягкий, голубовато-ласковый тон панели, видимой через прозрачную полусферу, на пластмассовые ручки слоновой кости, на ткань тенниски, на волосы Евгения, отливавшие на солнце...

Эллен поджала ноги и сказала, смотря вниз:

— Древние в горе посыпали пеплом голову. Здесь в пепле целая планета.

Танкетка остановилась. Вторая рука-манипулятор протянулась к следу гусеницы и подобрала блеснувший в колее камешек. Железные пальцы осторожно протянули находку Эллен.

— Ой! Какая прелесть! — воскликнула она.

— Для вас, мисс Кенни. Первый лунный камень.

— Как вы думаете, я буду хранить его всю жизнь? — с милым лукавством спросила Эллен. В ее руке мерцал алый огонек.

— Я совсем не знаю вас, — смешался Громов.

— А вам этого хочется?

— Боюсь, что сюрпризов в вас не меньше, чем на Луне, — нашелся Евгений и добавил: — Эллен — по-русски Елена. Можно мне называть вас... Селена?

Эллен посмотрела наверх, где сверкали в солнечных лучах верхушки скал:

— Селене — по-гречески Луна. Мне это нравится. А вы... ведь не вы... только ваше изображение...

— Я называю вас мой Мираж.

Эллен задумчиво перебирала огромные железные пальцы поддерживавшего ее манипулятора. Устройство было таково, что каждый железный палец был связан с пальцем Евгения, малейшее движение руки Евгения тотчас передавалось могучим стальным мышцам манипулятора. Но и Евгений сейчас чувствовал, как один за другим сгибались его пальцы.

— Как ярко здесь! — сказала Эллен, с восхищением озираясь вокруг.

— Не только ярко, но и жарко, — чуть взволнованно отозвался Евгений. — Выше ста градусов.

— Мне прохладно, — беспечно отозвалась Эллен.

— На вас хороший костюм.

— Вы находите?

— В вашем костюме полупроводники двух родов. Одни, нагреваясь, дают электрический ток, а другие, под влиянием этого тока, охлаждают ваш костюм.

— Как много надо знать, когда быть на Луне, — вздохнула Эллен. — Я без вас уже не могу здесь... Ой! Что это?

Танкетка выехала из-за скалы, и в звездном небе появился огромный, полузатененный, ярко сияющий диск, во много раз больше Солнца.

— Это наша Земля, — сказал Евгений.

— Земля? Боже! И вы там?

— Да. Я здесь, — виновато признался Евгений.

— Я не верю, мой Мираж. Вы со мной, — упрямо сказала Эллен. — Вы со мной... А там, — и сразу изменился ее голос, стал жестким. — Там — миссис Хент, газеты, гангстеры, бизнес... Между нами — неумолимое уравнение. Остановитесь. Я хочу смотреть на Землю отсюда, с лунной высоты. Дайте вашу руку.

Эллен соскользнула с танкетки и запрокинула голову, держа пальцы манипулятора в своей руке. Евгений ощущал ее пожатие. — Неумолимое уравнение? — переспросил он.

— О да! — глаза у Эллен сузились. — Миссис Хент, оказывается, прекрасный математик. В ее уравнении с одной стороны бизнес, с другой — подлость. В большом бизнесе чьи-то сто фунтов живого тела не играют никакой роли. Я плохо разбиралась в этой «математике»... Мистер Громов, не могли бы вы оказать услугу — передать мою корреспонденцию с Луны?

— Миссис Хент?

— Нет, о ней. Кому-нибудь другому. Например... О да! «Юманите»! Или «Комсомольской правде»! Это будет восхитительное решение уравнения. О'кэй! У меня очень злые глаза? Вы согласны?

— Я передам ваше сообщение. Но сейчас нам надо браться за работу, выложить опознавательный знак для посадки «Искателя».

— Хорошо! — согласилась Эллен. — На Луне даже женщина очень сильна. Будем ворочать камни!

И маленькая Эллен схватила огромный камень. Казалось непостижимым, что она подняла его и держит над головой, такая маленькая и слабая.

— Да, да! Вот так! — подхватил Евгений.

Руки манипулятора подняли большой камень и, стряхнув с него пыль, положили его рядом с камнем, который бросила Эллен.

Это была спорая, веселая работа. Эллен забыла, где она находится. Она наслаждалась своей невиданной силой, способностью перебрасывать огромные каменные глыбы. Она звонко смеялась.

— Эй! Живей! Живей! — кричала она. — Я никогда не думала, что стану тяжелоатлетом.

— Вы здесь весите в шесть раз меньше, чем на Земле!

Танкетка ловко маневрировала. Ее стальные руки подбрасывали камни, и пыль с них вздымалась долго не оседающим облаком. Эллен едва различала танкетку в пыльном тумане.

— Мне даже хочется чихнуть, — смеялась она. — Здесь тысячами не стирали пыль.

Постепенно стал вырисовываться традиционный Т-образный знак, какой выкладывают для самолетов. Он был уложен из камней, с которых «стряхнули» пыль, и потому был другого цвета, чем пепельная равнина.

— Как красиво! — радовалась Эллен, смотря на темно-гранатовые камни. — А я думала, что на Луне все серо.

— Подождите, мы ее еще выметим! — пообещал Евгений.

Эллен оглянулась и вдруг заметила, что изображение в окнах танкетки стало бледнее, полусфера потускнела, стала непрозрачной, молочно-стеклянной, холодной, мертвой...

Евгений исчез.

У Эллен захватило дух. С ужасом посмотрела она вокруг.

Она осталась на Луне одна.

Глава седьмая

ЛУННЫЙ УДАР

Евгений Громов был первым человеком Земли, который увидел Луну с ее поверхности.

«Искатель-II» в последний раз качнулся, лег на лунные камни и замер.

Сердце у Евгения бешено колотилось, лоб стал влажным, руки на рычагах управления дрожали, глаза старались хоть что-нибудь рассмотреть за окнами танкетки. Но ракета опустилась в облако поднятого ею пепла, и туман тысячилетней лунной пыли окутал танкетку мглой.

Евгению, после того, как он доложил по телефону о благополучном спуске, еще долго пришлось ждать, прежде чем в окна танкетки стали проступать сначала мутные, потом все более резкие очертания острых лунных скал. На Луне все так медленно падает!..

Но вот они, лунные камни, до которых можно дотронуться рукой! Вот он, лунный окаём, поразительно близкий, выпуклый, как край огромного цирка!.. Вот оно, каменное море, изрезанное застывшими молниями трещин!..

Евгений готов был кричать от радости, выскочить из макета танкетки, расцеловать Наташу, скакать по лаборатории в диком танце. Но он не чувствовал себя больше на Земле. Даже рассердился на заглянувшую было к нему Наташу. Цветное, стереоскопическое изображение в окнах-телеэкранах создавало такую иллюзию, что Евгений полностью ощущал себя на Луне. Он не устоял от соблазна и протянул обнаженную руку — он был в тенниске с короткими рукавами. Огромная железная рука манипулятора послушно повторила его движение и дотронулась до ближней скалы. Евгений ощутил пальцами ее твердость.

В этом прикосновении было торжество человеческой мысли, торжество земной техники, торжество неумной дерзновенности человеческого знания...

Глаза у Евгения стали влажными. Он принялся насыпать железными руками большую грудку камней на месте первого спуска земного космического корабля.

«Искатель-II» лежал на боку. Он оперся сначала о камни лапами танкетки, которые постепенно согнулись и плавно положили корабль так, чтобы танкетка могла из него выползти.

Евгений нажал рычаги, и танкетка, припадая на заднюю часть гусениц, рывком выскочила из космической кабины. Она стала резвиться на лунных камнях, как выпущенный на волю звереныш. Могучие железные лапы разбрасывали камни. Гусеницы взбирались на скалу. Лапы, хватаясь за выступы, помогали им.

Торжество Евгения было полным. Он на Луне, он может взять «руками» любой камень, сфотографировать любой пейзаж, установить любой прибор, провести любое исследование! Он на Луне, на Луне, на Луне!.. И никто не нужен ему в помощь! Никто! Он утвердит на Луне победу того направления в изучении космоса, которому посвятил свою жизнь!

Однако Евгений не просто давал выход своему торжеству, он приноравливался к предстоящему путешествию к месту посадки «Колумба».

На экране радиолокатора отчетливо виднелось очертание американской металлической ракеты, лежащей на боку среди камней. Очевидно, спуск был неудачным, и надо спешить на выручку злосчастному астронавту.

На протяжении первого километра пути Евгений сделал столько открытий, что лишь малая их доля принесла бы исследователю мировую славу.

Магнитное поле Луны!.. Его, безусловно, нет на лунной поверхности... Объяснение только одно: ведь Луна не обладает, как Земля, тяжелым центральным ядром!..

Евгений обнаружил радиоактивность лунной коры, заметную радиоактивность, которая менялась, а не была общим фоном планеты... Сколько задач для исследователя! И этим исследователем вполне может быть лунная дистанционноуправляемая лаборатория в танкетке.

Евгений первым точно измерил температуру поверхности Луны на солнце и в тени. Перепад температур был равен почти двадцати градусам! Какие великолепные энергетические возможности! На грани любой тени здесь могут работать паротурбинные установки, использующие неистощимую солнечную энергию!.. Солнечный паровой котел и холодильник в тени.

Камни и очертания скал в тени были невидимы. Конец спорам о вакуумной оптике... Но атмосфера! Есть ли на Луне атмосфера?

Анализаторы автоматически делали свое дело. Да! На Луне есть ничтожные остатки атмосферы... Их плотность такова, как на высоте почти ста километров над Землей. Состав этой атмосферы — в основном углекислота, продукт бурной вулканической деятельности. Ее больше, чем нейтрального азота, но есть и кислород. Черт возьми! Если насосы будут выкачивать снаружи лунную атмосферу и сжимать ее, то можно получить ощутимые количества кислорода... Может быть, для будущих лунных городов... А углекислота насытит лунные оранжереи...

Впрочем, зачем заглядывать так далеко! Сейчас эра лунных разведчиков.

Евгений досадовал, что не может целиком отдаться исследованиям лунной поверхности. Приходилось мчаться по камням к американской ракете.

Но что это был за путь! Даже во сне, в больном воображении нельзя было увидеть или представить таких небывалых пейзажей. Они менялись за каждым поворотом, за каждым выступом скалы...

Соседство дня и ночи, Солнца и звезд, ослепительного света и мрачной тени, незаживающие рубцы на голом теле планеты, никогда не знавшей покрова, смягчающего действия воды или ветра. Острые углы, кристаллические грани камней, игольчатый щебень. Вот они, единственные следы разрушения на Луне. Разрушения от вечной смены раскаленного дня и космически холодной ночи. Лунный мир — это мир трещин, мельчайших, крошащих поверхность скал, огромных, бороздящих морщинами склоны гор, и, наконец, гигантских разломов, глубиной чуть ли не в сотни километров, заметных даже с Земли!

Как хотелось Евгению остановиться хоть около одной трещины, заглянуть вглубь. Впрочем, что там можно было увидеть, кроме крошечной тьмы!..

И танкетка, разбежавшись, птицей перелетела трещины шириной в добрый десяток-другой метров.

Евгений наслаждался ощущением полета. Его танкетка летала! В дальнейшем надо будет снабдить ее реактивными двигателями, которые позволят ей перелететь через горный хребет, заглянуть в глубину кратера, чтобы убедиться, нет ли на аренах лунных цирков более плотных остатков атмосферы... И кто знает, что можно там обнаружить?..

Ведь есть кратеры, которые ниже поверхности лунных морей-равнин на несколько километров. Там могут быть совсем особые, лунные микромиры...

И вот вдруг... картину таинственной мертвой природы заслонил Евгению живой человек, удивительный человек, заставивший его видеть перед собой лишь маленькую хрупкую фигурку, а не грозные скалы за ней, слышать ее голос с чуть нерусским произношением, а не впитывать в себя торжественное величие лунной тишины.

Почему, придя к нему в лабораторию на Земле, она лишь на минуту остановила на себе его взгляд, а здесь, на Луне, так потрясла?

У Евгения было ощущение внутреннего взрыва или... солнечного удара, ощущение яркости, внезапности и затмения сознания. Нет! Это был не солнечный удар. Это был лунный удар!..

И так же, как явилась она с «лунным ударом», так же внезапно и исчезла, померкнув вместе с лунным миром на экране...

В окнах макета танкетки не было больше Луны... Евгений «свалился» с Луны на Землю, в знакомую лабораторию с длинными столами в сети проводов... Взбешенный, раздосадованный, не могущий извинить себя за оплошность, он распахнул дверцу макета и выскочил в комнату...

А Эллен, на Луне, в тревоге стояла перед омертвевшей танкеткой, тщетно вглядываясь в непрозрачную полусферическую кабину. Что произошло?

Она невольно посмотрела на небо. Не исчезла ли Земля?

Нет! Голубоватый шар стоял недвижно в небе; и в незатененной части диска можно было угадать очертания знакомых материков.

Эллен перевела взгляд на скалы. Они показались ей ужасными, придвинулись, нависли над ней, разрезанные там и тут чернотой теней.

Если бы они рухнули, увлекая вниз лавину камней, Эллен было бы легче. Ее угнетала мрачная неизменность всего, что она видела. Ведь каждый готовый сорваться камень так и висел здесь вечно, а каждая пылинка пролежала миллионы лет, не тронутая ни ветром, ни временем... И пусть упадет Эллен сейчас навзничь с широко открытыми от ужаса глазами, стеклянный ее взгляд будет миллионы лет все так же смотреть на любимую Землю, которая не сдвинется с места, не зайдет и не взойдет...

Ужас приходил вместе с мыслью о неизменности, но сводящий с ума страх таился в охватившем Эллен сознании одиночества.

Одна на всей планете...

Нет для человека большей пытки, чем одиночество.

Эллен посмотрела по сторонам и, окруженная мертвым и жадным миром, панически побежала к танкетке, стала трести ствол антенны:

— Хэллоу! Хэллоу! — в исступлении кричала она. — Говорит Кенни, журналистка Эллен Кенни. Слушайте меня! Ответьте кто-нибудь. Одно только слово...

Она сползла к гусеницам танкетки, припала к ним шлемом.

— Не слышат меня, — шептала она. — Им всем нет дела... Даже ему... Хэллоу! Мистер Громов! — все тише звала она. — Мой Мираж! — и, упав на след гусеницы, по-детски крикнула: — О-о! Мама!..

Недвижный скафандр лежал подле неподвижной танкетки в неподвижном лунном мире...

Глава восьмая

КОСМИЧЕСКИЕ ТОВАРИЩИ

«Искатель-I» шел над поверхностью Луны. Корабль вел Громов. Аникин тщетно пытался вызвать по радио Эллен. Том Годвин был мрачен.

Внизу плыла страна голых скал и серых равнин, изрезанных трещинами.

Вот она, другая планета, цель путешествия!

Но все три звездолетчика не испытывали торжества. Они думали о судьбе закинутой раньше них на Луну Эллен.

— Командор! — крикнул Том Годвин. — Посадочный знак!

Крохотная темно-красная буква «Т» была чуть заметна на грани скал и равнины.

Громов уверенно посадил «Искатель-I» близ лежащего на боку «Искателя-II». В окнах кабины стоял мутный туман. Облако пепла, поднятое струей газа при посадке, оседало очень медленно. Мгла закрывала чужой мир...

Один за другим спускались исследователи по лесенке, выброшенной из люка.

Том Годвин задержался на последней ступеньке:

— Командор, прошу вас. Ваше право ступить на Луну первым.

Петр Громов рассмеялся:

— Наука не имеет ничего общего с рекордсменством. Советские люди давно забросили на Луну вымпелы, но не заявили территориальных претензий.

— Все же я прошу вас, командор.

— Извольте, Том... Кстати, на Луне уже мисс Кенни.

— О нет, командор! Она не ступила на Луну, а упала на нее, и вынута была из кабины манипуляторами советской машины. Первым исследователем Луны, вступившим на нее, должны быть вы.

Петр Громов не стал спорить.

И вот все трое уже стояли на лунной поверхности в облегающих тело скафандрах с начинающимися от плеч прозрачными колпаками. Они не рисковали двинуться в путь и стояли у посадочных лап корабля.

Хмурые скалы едва вырисовывались во мгле, словно постепенно попадая в фокус изображения,

Наконец видимость улучшилась. Серая каменная пустыня тянулась к горбтому горизонту. Совсем в неожиданной стороне оказалось гранатовое пятно...

Том Годвин первый прыгнул в его сторону. Тело астронавта взлетело высоко над камнями. Ему едва удалось опуститься на ноги метрах в тридцати.

— Осторожно, Годвин! — крикнул Громов.

Громов и Аникин двигались медленно, держась за руки. Годвин остановился, чтобы подобрать яркий камешек. Тот самый, который Эллен в минуту отчаяния бросила в Небо...

Еще один прыжок — и Годвин опустился на колено около лежащего скафандра.

Вот она, его незнакомая пассажирка. Не думал он встретиться с ней... Что почувствовала, оставшись одна на ракете, что перенесла здесь, на чужой планете? Дышит ровно, глубоко... Неужели спит?

От взгляда Годвина Эллен проснулась. Она спала! Усталость и переживания сломили ее. Пришел сон, спасший от помешательства.

Она открыла глаза и увидела простоватое лицо с широко расставленными маленькими, но добрыми глазами...

— Том! — только и могла выговорить она.

Годвин не услышал. Он догадался, что выключено радио, и повернул рычажок на ее шлеме, сдвинутый при падении.

Эллен села и припала к плечу пилота:

— Том! Все-таки прилетел... Сейчас я могу только обнять. Они спасли вас? Когда будет воздух, я поцелую им руки...

— Эль! Здорово все получилось, — сказал Том Годвин.

Эллен тихо засмеялась:

— Я еще вас совсем не знаю. Но вы должны быть именно таким. А меня вы сделали другой. Я родилась здесь, на Луне. Я селенитка. И всем, почти всем обязана вам...

Только теперь заметила Эллен Громова и Аникина.

— Здравствуйте, — сказала она, вскакивая. — Я же говорила, что мы, может быть, увидимся. Извините. Я не слышала, как вы подошли.

— На Луне мог подкрасться и слон, — пошутил Аникин.

— Звуков нет... Слонов тоже.

— А воздуха здесь столько же, сколько совести у миссис Хент, — вставил Том Годвин, стараясь скрыть смущение.

Эллен неуверенно сделала шаг к Громову. Тот протянул обе руки и с душевной простотой обнял ее.

— Вот теперь можно и осмотреться, — сказал Аникин.

— А то мисс Кенни заслонила нам всю планету.

— А я уже здесь такого насмотрелась!.. — вздохнула Эллен.

— Где ж тут у вас кратер Эллен Кенни? Где ущелье Евгения Громова? — с напускной серьезностью спрашивал Аникин.

Эллен опустила голову:

— Евгений Громов!.. Простите, командор, он ваш брат, но он не джентльмен. Ему быстро надоело мое общество. Он счел возможным оставить меня здесь совершенно одну...

— Вращение Земли оставило вас одну, мисс Кенни, — мягко объяснил Громов. — Луна зашла в Москве за горизонт. Вот и все.

Эллен посмотрела на голубоватый шар в небе:

— Нет, Земля не заходила за горизонт.

— Лунный шар не вертится. А на Земле Луна заходит. И тогда теряется радиосвязь с танкеткой, ее телеэкраны гаснут.

— Боже! — воскликнула Эллен. — Это ужасно! Так подумать о человеке!.. Как, однако, много надо знать о Земле... и о людях Земли, — тихо добавила она.

Том Годвин повел Эллен в ракету.

Громов поднимал острые, словно колотые камни, с интересом рассматривал их, брал в горсть пепел, пересыпал его с ладони на ладонь...

Потеряв связь с танкеткой, Евгений не находил себе в лаборатории места, уныло бродя между длинными столами.

Спокойная Наташа с укором смотрела на него.

— Понимаю, — в смятении остановился он перед нею. — Думаешь, тот уступил ей жизнь, как уступают стул, а я... не могу даже поддержать ее...

— Думай о другом, Женя, — рассудительно ответила Наташа. — Луну сейчас видно в Америке.

— Проникновенная мысль! К сожалению, из Америки нельзя управлять танкеткой.

— Сядь и приди в себя, — внушительно сказала Наташа. — Сейчас американке без тебя страшно, а может случиться, что без танкетки они погибнут.

— Почему погибнут?

— Потому что Луна не будет в Москве видна... и они в решительную минуту не смогут воспользоваться танкеткой... Вот если бы в мире обменивались телепередачами...

— Фантастика! Цепь поднятых в небо антенн вокруг всего мира?

— А почему нет? — упрямо спросила Наташа. — Американские самолеты в свое время летали с атомными бомбами? Грозили силой? Почему бы не летать теперь, чтобы помочь тем, кто на Луне?

— Да разве можно договориться с их генералами! — махнул рукой Евгений.

Кабина «Искателя-1», когда в него вернулись Громов с Аникиным, приобрела неожиданный уют.

Эллен накрыла стол.

— Прошу всех садиться... Будет очень вкусно. Нельзя ли включить земную музыку? Люблю симфонии, но обожаю танцевать.

Аникин кинулся к радиоаппаратуре.

На Луне Землю было лучше слышно, чем на самой Земле... Некоторое время все молча слушали музыку, несшуюся через межпланетное пространство.

— Вот что, товарищи, — сказал Громов, решительно усаживаясь.

— Товарищи по несчастью, — подхватила Эллен.

— Нет, товарищи по работе, — поправил Громов. — Нужно подумать о завтрашнем дне.

— Стоит ли думать... о смерти? — сказала Эллен.

Громов пристально посмотрел на нее:

— Мы обеспечены четырнадцатью баллонами кислорода. По одному на земной день.

— Разве есть ракеты, которые смогут прилететь за нами? — повернулась к Громову Эллен.

— Есть две резервные ракеты типа «Искатель-1», — ответил Громов. — Но они двухместные... Пилоты смогли бы взять отсюда лишь двоих...

— Понимаю, — с горечью сказала Эллен. — Здесь есть лишние.

— До наступления лунной ночи сюда прилетит международная космическая экспедиция, — отдельно произнес Громов.

— Вавилонскую башню не могут достроить с библейских времен!

— Я говорил с академиком Белоусовым. Весь мир занят нашей судьбой. Сейчас трудно препятствовать завершению строительства.

— Я только описывала международные конфликты... Неужели теперь придется стать их причиной?

— Скорее, причиной международного единения. Нужно думать, как не остаться в долгу перед человечеством.

— Признаю ваше руководство, командор, — вмешался Том Годвин, — пока не выплачу вам долг. Какова задача?

— Собрать образцы пород, наблюдать лунную природу... и дойти до края видимого с Земли лунного диска.

— Черт возьми! Это меня устраивает. Расставлю по пути заявки. Тут кое-что валяется под ногами. Посмотрите, что я нашел. Это вам, Эль, ко дню вашего лунного рождения.

И Том Годвин протянул Эллен найденный им камешек.

— О-о! Том! — воскликнула Эллен и смутилась. — Мне кажется, что... мне однажды дарили его здесь...

— Кто дарил? — изумился Годвин.

— Может быть, во сне... Я хотела бы уснуть, — растерянно говорила Эллен. — Годвин, у вас не осталось пилюль? Я ведь не пойду с вами.

— Чепуха! — возмутился Годвин. — Как вы можете остаться здесь одна?

— Но я не люблю ходить пешком. — упрямылась Эллен, думая о чем-то своем.

— Вас повезет танкетка, — сказал Громов, внимательно наблюдавший за Эллен. — Вы будете отдыхать вместе с ней.

— Танкетка? — сразу оживилась Эллен и чуть покраснела. Потом, сощурившись, посмотрела на Громова. — Вы романтик, командор. Хотите пройти сотни километров без асфальта, пренебрегая золотом и алмазами, чтобы увидеть лишь «ту сторону»!..

— Я ищу клад куда больший, — улыбнулся Громов. — Ищу и вспоминаю, что Колумб не поворачивал вспять от неведомых берегов. Амундсен не возвращался, не дойдя до открытого острова.

— Я готов, командор, — заявил Том Годвин.

Еще за час до того, как Луна должна была взойти над Москвой, Эллен стояла у танкетки, устремив взгляд на темную полусферу.

Мужчины неподалеку устанавливали автоматическую радиостанцию наблюдения. Она в течение года должна была сообщать показания различных измерительных приборов.

Опершись о борт танкетки, Эллен задумчиво смотрела на матовую полусферу. И, наконец, полусфера начала светлеть, как бы наполняясь воздухом и светом. Постепенно, словно выходя из тумана, стало вырисовываться изображение Евгения... Нет! Преодолевая расстояние в 384 тысячи километров, он сам, живой, бодрый, взволнованный, появлялся перед Эллен.

Том Годвин, оторвавшись от работы, издали видел, как вздрогнула Эллен, очевидно, встретившись с Евгением взглядом.

— Мой Мираж! Я так вас жду, — тихо сказала Эллен.

— Селена!..

— Я подумала, что вы обиделись. Я восхищалась Годвином.

— Я тоже.

— Но я знаю... Вы спасли меня с Земли. На Луне вы поступили бы так же.

— Это верно, Селена, — горячо сказал Евгений.

Эллен заметила, что Том Годвин как-то боком направился к танкетке.

— Здесь все очень сложно, — быстро заговорила она. Вот камешек... Даже о нем думать сложно... У вас сложный брат... Рыцарь науки в скафандре... Ведет за собой всех, чтобы взглянуть за край лунного диска... А я остаюсь...

— Селена! Я считал минуты, ждал, когда взойдет Луна.

Годвин был уже в нескольких шагах. Эллен загородила собой полусферу.

— Разве я причинила мало хлопот? Надо ли быть обузой?

— Селена! Я не оставляю вас одну!

— А вы сможете это повторить? Нет, нет! Не на Луне?

— Эль пойдет с нами, — сказал подошедший Годвин. — Надеюсь, ваш автокар сможет помочь ей в трудных местах?

— Конечно, — сказал Евгений.

Глава девятая

КРУШЕНИЕ НЕИЗМЕННОСТИ

Четыре человека в скафандрах извилистым путем пробирались между зигзагами трещин.

Петр Сергеевич Громов, провозглашенный на Луне командором экспедиции, и пилот погибшей на Луне американской ракеты «Колумб» Том Годвин, деля опасность первого шага, как слепцы, ощупывали палками путь. О прыжках, столь легких на Луне, не могло быть и речи. Под пеплом всюду ждали бездонные пропасти.

Позади двигалась управляемая с Земли, снабженная двусторонней телевизионной связью танкетка, нагруженная кладью экспедиции и баллонами кислорода. В ней сидел, вернее, лунным исследователям казалось, что в ней сидит, Евгений Громов, ее создатель и страстный сторонник исследования планет с помощью подобных автоматов. На самом деле Евгений находился в лаборатории дальнеуправления Московского космического института в макете движущейся по Луне танкетки, но, видя в окнах-телеэкранах лунный пейзаж, идущих рядом с танкеткой путников в скафандрах, ощущая повиновение пробирающейся по лунным камням машины, Евгений полностью ощущал себя на Луне, забывая, где он на самом деле находится. Он напряженно следил за каждым путником, готовый ринуться на помощь.

Эллен Кенни, американская журналистка, волею судьбы и вопреки планам и здравому смыслу оказавшаяся вместе со всеми на Луне, часто оглядывалась на Евгения. Ведь она была ему обязана жизнью, так же, как и американскому пилоту... И всякий раз, словно чувствуя, оборачивался и Том Годвин, угрюмый и встревоженный...

Природа угнетала маленькую Эллен. Ее глаза были тревожно сощурены, на тонких губах застыла полуулыбка, которой она словно боролась со всем, что ее окружало.

Обрывы «берегов» лунного моря ослепительными стенами уходили в черное звездное море. Голые утесы нависали над окаменевшими грядами волн, посыпанных пеплом.

Острые, как ножи, ребра скал и рваные кромки трещин остались нетронутыми после древних катаклизмов, словно все остановилось с тех пор, как кончилось...

Ужас неизменности охватывал Эллен. Она не могла примириться с тем, что все вокруг не менялось уже миллионы лет, каждая пылинка, не зная ветра, лежала вечно недвижно, камень не мог сорваться в пропасть, нависая над нею. Что может быть страшнее конца?.. Нельзя жить и двигаться, если все вокруг мертво. Кошунство оставлять здесь следы. Надо пасть ниц и замереть на тысячелетия... Так сходят с ума...

Евгений угадывал, что происходило с Эллен, которую он называл с ее согласия Селеной, по имени греческой богини Луны. Она же в ответ называла его, видя лишь его изображение в окнах танкетки, Миражом... Евгению хотелось бы отвлечь едва держащую себя в руках американку разговором, но как это сделать, если каждое слово обрело, как ему казалось, особый смысл, а слышат его сразу во всех шлемофонах!.. Он попросил Петра, своего старшего брата, подойти и показал ему глазами на Эллен.

Петр, огромный, атлетически сложенный, с крупными рублеными чертами лица, пронзительно посмотрел на младшего брата и все понял.

— Мисс Кенни, — сказал он, нагоняя Эллен. — Мы нуждаемся в вашей помощи.

— Вы зло шутите, командор, — нервно обернулась Эллен.

— Нисколько. Вот киноаппарат, — он протянул ей портативную кинокамеру. — Вы опытный репортер, и можете стать кинооператором экспедиции. Снимайте этот мир.

— Святотатство, — сказала Эллен, смущенно беря киноаппарат. — Снимать пейзажи Дантова ада? Бороться с ними, подчинять их себе... Я могу это сделать? Как вы думаете? — и Эллен, привычно наведя кинокамеру, сняла цепочку вдавненных в пепел лунок, как тушью, обведенных густой тенью.

— Следы человека на Луне, — сказал Петр Громов. — Вы сами ответили на свой вопрос.

— Я подумала, что боюсь темноты... Неизменности и пустоты... Они отнимают рассудок...

— А их вовсе нет и в космосе, — отозвался Аникин, дальше всех бывший от Эллен. — Космос переполнен метеоритами любых размеров, начиная с пылинок и кончая планетами, составленными из тех же метеоритов; даже звездами...

— Даже звездами? — удивилась Эллен не столько составу звезд, сколько тому, что слышит это от Аникина, от славного паренька, которого она считала механиком, пилотом, помощником, тенью командора, повторяющего его шаги, слова, мысли...

— И звезды, — подтвердил Аникин. — Они вспыхивают при сгущении туманностей космической пыли. И кто знает, что это за пыль? Быть может, она состоит не только из частиц обычного вещества, но также и из частиц антивещества с обратным электрическим зарядом ядра и оболочки. Тогда, соприкасаясь, частицы вещества и антивещества перестают существовать, превращаясь в носителей энергии — в фотоны, которые раскаляют оставшуюся массу вещества. Если метеоритная пыль образовала таким образом звезды, то более крупные метеориты, захваченные когда-то Солнцем при прохождении темной туманности, образовали Луну, Землю и все другие планеты солнечной системы. Они продолжают каждую секунду встречаться с Землей, падают на нее, увеличивая ее объем и массу. Правда, большинство из них не долетает до поверхности, сгорает в атмосфере. У Земли крыша надежная.

— А на Луне? — спросила Эллен, с интересом разглядывая Аникина.

— Никакой нет. Метеориты каждую минуту оставляют здесь след. Вот об этом я и хотел сказать. Какая же тут неизменность!.. Что тут может подавлять? Кольцевые горы цирков, глубокие кратеры — все это следы метеоритов.

— Вывод поспешный и неверный, — вмешался Петр Сергеевич Громов, получивший докторскую степень и профессорское звание во время работы в Пулковской обсерватории за труды по исследованию лунных вулканов.

— Война белой и алой розы, извечная борьба двух гипотез, — заметил чувствовавший себя на Луне Евгений.

— Не надо превращать ее в войну жрецов, — резко сказал Петр Громов. — Только в религиозном экстазе можно забыть о лунных вулканах.

— Их нет на Луне, — решительно заявил Аникин, — а метеориты продолжают менять ее лицо.

Разговор был начат, чтобы отвлечь Эллен, помочь ей справиться с подавленным состоянием, но он уже перерос в жаркий спор.

— А лунное извержение, которое в 1958 году наблюдал Козырев? — напомнил Петр Сергеевич.

— Просто увидел тучу пепла, которая поднялась при падении метеорита. Такая же туча скрыла кратер при падении на Луну первой ракеты с советским вымпелом. Это видели венгры. Вот так. Просто туча.

— Старая песня академика Коваленкова.

— Берусь доказать на Луне любое его утверждение, — запальчиво сказал Аникин.

Эллен растерянно смотрела на него, не понимая теперь расстановки сил на Луне.

А расстановка эта определялась тем, что Ваня Аникин, оставленный после окончания университета в аспирантуре у академика Коваленкова, попал в состав первой лунной

экспедиции именно по его настоянию. Академик Коваленков, желчный, сухой, нетерпимый к чужим мнениям педант, нашел в Аникине яростного последователя близкой ему теории о метеоритном происхождении космических тел. Ее важно было подтвердить на Луне, где нет воды и атмосферы, где картина образования планеты, отличающейся от всех других лишь характером орбиты, осталась нетронутой. Академик Коваленков хотел, чтобы в лунной экспедиции его точка зрения противостояла вулканическим гипотезам «малоопытного пулковского астронома, явно преждевременно ставшего профессором».

Академик Белоусов, комплектовавший экипаж «Искателя», не считал возможным отказать маститому академику, который сам, по состоянию здоровья, конечно, не мог лететь на Луну.

Ну, а у Вани здоровье было отменным. Футболист, правый крайний московской команды «Спартак», он оказался вполне подходящим для звездолетчика.

Он проходил подготовку в космическом институте под руководством Петра Сергеевича Громова и проникся к нему таким уважением и преданностью, что чуть не возненавидел себя за неверность академику, поклявшись, что не сдаст на Луне ни единой из его научных позиций.

Федор Афанасьевич Коваленков сам побывал в семье Аникиных, чтобы получить согласие на космический полет Вани.

Отец Вани, полковник в отставке, Герой Советского Союза, отличившийся в войну с гитлеровцами, сыном гордился.

Когда-то тяжело раненного летчика выходила в госпитале маленькая женщина, военврач, которая потом стала его женой. Ваня был у них младшим сыном и слабостью отца. На семейный совет собрались и три старшие сестры: учительница, мастер химического завода и актриса.

Послушный сын сидел, хитровато поглядывая на всех. Мать-то знала: как ни реши, а сынок поступит по-своему. Упрямство в нем она так и не искоренила...

Отец видел в назначении сына в лунную экспедицию боевое задание. Две старшие сестры всплакнули, но отговаривать Ваню не решились. Младшая сказала, что, зная влюбчивость Ванн, отпускает его на Луну только потому, что там нет женщин... и расцеловала его.

На Луне оказалась Эллен...

Ваня вдвойне ощущал себя закованным в скафандр. Он иронически поглядывал на полусферу танкетки, отлично заметив, что телевизионное изображение помогало «кое-кому» позабыть о 384 тысячах километров расстояния!.. Впрочем, ему пришлось мысленно прикусить язык. Он-то знал, что дикторы Московского телецентра получают немало писем с признанием в любви и назначением свиданий... от людей, видевших их только на экране... И немало таких писем написал, кстати, он сам... А как он был обижен, когда узнал, что девушка-диктор встретилась с ним лишь потому, что он упомянул в последнем письме о своем близком полете на Луну!..

Все же он подружился с этой чудесной девушкой, и в последний вечер перед отлетом они даже поцеловались. Она обещала ему смотреть на Луну...

Он сказал ей на прощанье, что Луна «слепилась» из метеоритов... Девушка охотно с ним согласилась...

Эллен решительно не знала, что думать по этому поводу, Петр Сергеевич был раздражен, а Том Годвин решил вмешаться:

— Чтобы поднять хорошую тучу, метеориту надо было угодить в скопление пыли, как вон в той расщелине. Она полна рыхлым пеплом, как биржа рыхлыми прохвостами. — и он указал на клинообразную расщелину в береговых скалах лунного моря.

— А если поставить опыт? — предложил Евгений. — Для того и есть у нас танкетка. Вы отойдете на безопасное расстояние, а я метну туда манипуляторами камень.

— Какая же у него будет скорость? Не сравнимая с космической, — сопротивлялся Петр Сергеевич.

— Но мы проверим, как ведет себя пепел, — настаивал Аникин. — И если простого камня будет достаточно, чтобы взбаламутить пепел, то... прав Коваленков!.. Вам ли этого бояться?

Петру Сергеевичу пришлось уступить.

Люди отошли от расщелины подальше. Видимость была превосходной.

— Мне хочется пожать вам руку, — сказала Эллен Евгению. — Вы словно идете на подвиг.

Евгений поднял высоко над танкеткой обе железные руки и соединил их в рукопожатии.

Танкетка помчалась к скалистым обрывам, подсакивая на камнях. Эллен снимала ее кинокамерой...

У расщелины танкетка остановилась.

Могучие железные руки подобрали огромный камень, замахнулись им, далеко закинув назад, и метнули вверх.

Камень описал дугу и зарылся в рыхлый слой пепла с краю расщелины.

Ничего не произошло.

— Ну вот, — снисходительно заметил Петр Громов. — Теперь скажете, что скорость была мала.

Эллен, целясь телескопическим объективом, продолжала снимать. Она первая заметила, что даже слабого удара «импровизированного метеорита» оказалось достаточно, чтобы вывести пепел из состояния неустойчивого равновесия.

Он потек... потек, напоминая темную жидкость. Сначала он падал с высоты струйкой, но скоро таких струек появилось множество. Закрученные спиралями, они слились в пепельный «водопад».

Внизу с камней стало подниматься черное облако.

Что там медлит Евгений?

И вдруг пепел рухнул черной Ниагарой. Танкетка исчезла из виду. Нельзя было понять, что с ней случилось.

— Мой Мираж? Он утонул!.. — крикнула Эллен.

— Гусеницы буксуют, — слышался в шлемофонах голос Евгения.

— Скорее на помощь! Его засыплет! — крикнул Петр Сергеевич.

Пепельный водопад разрастался с пугающей быстротой. Но люди, не раздумывая, бросились в черную тучу, клубами поднимавшуюся с поверхности.

Евгений мигал прожектором. Свет едва был виден во мгле.

Исследователи держались за руки, чтобы не потеряться. Добрались до танкетки, когда пепел стал им по колено.

— Как в Помпеях, — прошептала Эллен. На миг она представила себе, что всех их засыплет навеки... Они сядут, безвольные, покорные судьбе... Их найдут, окаменевших, через сто тысяч лет, и поместят под стеклянные колпаки в музеях, как в Помпеях... Она передернула плечами.

Попробовали толкнуть танкетку, она не двинулась.

— Поднимайте за гусеницы! — приказал Петр Громов.

Эллен наравне с другими уцепилась за гусеничную ленту. Ослепительный день превратился в непроглядную ночь. Казалось, что люди в водолазных костюмах спустились на дно темного моря.

Только на Луне можно было поднять вчетвером такую тяжесть. Танкетка помогала манипуляторами, приподнимаясь на них.

Спотыкаясь, еле вытаскивая из пепла ноги, Эллен тащила танкетку вместе со всеми и уже не думала о Помпеях. Она спасала Евгения!.. Она не могла допустить, что тот сидит в безопасности на далекой Земле в лаборатории и переговаривается со своей помощницей Наташей, которая варит ему кофе...

Наконец, слой пепла стал мельче, танкетка оказалась на камнях. Эллен почувствовала, что механическая рука подхватывает ее.

— Все на вездеход! — скомандовал Петр Громов.

Перегруженная танкетка тяжело переваливалась через камни.

Сквозь мглу стало просвечивать Солнце, напоминая земное Солнце перед закатом, но лишь не красное, а серое, затянутое дымкой и лишенное короны пламенных языков.

Солнце выступало все ярче. Стали различимы каменные торосы и трещины, через которые перебиралась танкетка.

Пепельная туча редела. Однако, от нее нужно было бежать, как можно скорее.

— Здорово получилось! — торжествующе заметил Аникин. — Федор Афанасьевич будет рад!..

— Крушение неизменности, — отвечая своим мыслям, сказала Эллен.

— Нет! — решительно заявил Петр Громов. — Козырев не мог ошибиться. Он видел извержение. Но наша ошибка ясна. На Луне все было неизменно, пока человек не ступил на нее.

— Нельзя трогать Луну? Вы так думаете? — спросила Эллен.

— Напротив! Именно человек изменит ее, — смазал Петр Громов.

Танкетка вырвалась из черной тучи.

Эллен снова увидела платиновые скалы и черные тени, и облегченно вздохнула.

Она наклонилась к прозрачной полусфере и тихо сказала:

— Я так испугалась за вас, мой Мираж...

Глава десятая

МОРЩИНЫ

Эллен очень хотелось снять лунный цирк, который виднелся справа. Издалека это можно было сделать лишь с высокой точки. Резкость очертаний была одинакова и вблизи, и вдали. На Луне все казалось обманчиво близким... Можно было идти бесконечно долго, не приближаясь к цели.

Эллен выбрала скалу с пологим подъемом, удобным для танкетки. Она показала ее Петру Сергеевичу, добавив, что ей не хотелось бы для предполагаемой съемки отвлекать кого-нибудь от сбора коллекции камней.

Громов покосился на нее и сказал, что танкетка доставит ее наверх.

Эллен сощурилась.

Том Годвин, конечно, слышал этот разговор. Ведь каждое слово звучало во всех шлемофонах...

Эллен вскочила на танкетку. Сердце у нее взволнованно билось. Танкетка стала круто взбираться по камням,

— Селена!. — сказал Евгений.

— Мой Мираж! — тихо ответила Эллен и предостерегающе подняла палец.

Три фигурки виднелись внизу. Они наклонялись и выпрямлялись.

Эллен отлично слышала голоса Громова и Аникина. Том Годвин молчал.

Эллен пожалела в душе, что связь ухудшается так медленно...

— Селена, вы почти совсем не подходите ко мне, — сказал Евгений.

— Тссс, мой Мираж!.. Здесь все очень сложно... И потом... Я уже совсем по-другому воспринимаю Луну...

— Почему же вы не напишете этого в корреспонденциях? Я так жду, когда вы будете диктовать их мне.

— Корреспонденции?.. Ах, мой Мираж!.. Чтобы написать, почему Луна стала для меня другой, мне надо стать такой, как Жорж Санд.

— Вам Луна кажется иной?

— А как вы думаете?

— Скажите... Потому, что мы встретились здесь?

— Вы так считаете?

— Я считаю... мне кажется... если в самом деле... На Земле сейчас ночь... В небе светит Луна... Она так красива! Хотите, я открою дверцу танкетки... вы увидите край окна и Луну над деревьями...

— Откройте, мой Мираж... Это будет, как во сне.

Эллен наблюдала за Евгением. Он, взволнованный, распахнул дверцу танкетки. В окне виднелись деревья. Подоконник был залит белым светом.

Эллен соскочила с танкетки, стала искать, откуда лучше будет видна Луна в полусфере. И она увидела Луну, совсем круглую, яркую, с отчетливым рисунком теней...

Какое странное чувство! Она видела Луну почти за четыреста тысяч километров и одновременно находилась на ней...

— Я хочу, чтобы вы стали лунатиком, слышите... Я хочу этого, — сказала Эллен.

— Удивительная Луна, — отозвался Евгений.

— Наша Луна!

— Да, да! Наша...

— Теперь смотрите сюда, мой Мираж. Буду показывать я... — и Эллен протянула руку.

Среди хаоса скал лунный цирк поражал геометричностью форм. Горный хребет кольцом охватывал глубокую равнину. Тени делали кольцевые горы рельефными, словно нарисованными тушью. В первый момент казалось, что среди скал высится искусственное сооружение титанов. Исполинский амфитеатр уступами спускался к немыслимо огромной арене, посередине которой стоял, как ось колеса, одинокий горный пик, отбрасывая на арену острую тень.

— Правда, красиво, мой Мираж? Когда я перестала бояться, я полюбила Луну.

— Я... я тоже, Селена.

— Мужественная, суровая красота, строгая, могучая, ничем не тронутая и таинственная. Командор и Аникин спорят о происхождении лунных цирков. А если... если они... построены? Что римский Колизей! Я бродила по нему ночью при лунном свете... Там было очень много кошек. Кромка стен была волнистой и серебрилась. Вместо арены виднелись темные провалы когда-то скрытых под ней помещений для диких зверей и гладиаторов. Что скрыто под ареной лунных цирков?

— Заложить бы буровую скважину...

— Да, да... буровую скважину, — рассеянно повторила Эллен. — Я сейчас видела Луну, словно отраженную в земном зеркале... Послушайте, мой Мираж. Простите меня. Вы подумаете, что я только женщина, глупая и смешная. Ведь если она даже среди лунных скал... И все-таки... Скажите, если у вас в танкетке будет зеркало, я увижусь в него?

Евгений удивился, но ответил:

— Конечно, вы увидите себя в зеркале, если его поместить здесь, около меня, перед аппаратурой.

— Мой Мираж, милый... Я очень попрошу. Это рискованно — посмотреть на себя.

— Я сейчас... я попрошу зеркальце у Наташи.

А через минуту маленькая женщина всматривалась в свое изображение. Это изображение сначала было передано через космос на телеэкран в макете танкетки, установленной в лаборатории, отразилось в зеркале, которое держал в руках Евгений, и вместе с зеркалом было воспроизведено аппаратурой на Луне.

Но Эллен вовсе не думала, «как» она видит себя, она лишь тревожно всматривалась в свое лицо, измененное новой прической, утомленное, и... пожалуй, чуть выигравшее от этого... или от причуд резкого лунного освещения,

— Вы знаете, мой Мираж, я вижу у себя новые морщины.

— Селена! Смотрите! — крикнул Евгений, и едва не выронил зеркало.

Эллен обернулась.

На выпуклом горизонте лунного моря, недавно покинутого путниками, что-то сверкнуло. Звездой рванулись во все стороны ослепительные лучи, и зеленое облако светящейся короной стало расплываться по черному небу, как заря неведомого светила.

— Это не пепел! — воскликнула Эллен.

— Это метеорит, Селена.

— Неужели прав этот милый забияка Ваня, а не ваш брат?

— Прыгайте на танкетку! Скорее! Помчимся!

— О да, скорее! Что там случилось, мой Мираж, на... нашей Луне?

Сверху было видно, как три фигурки, делая большие прыжки, спускались к равнине.

Танкетка мчалась следом, подпрыгивая на камнях, перелетая по несколько метров над поверхностью.

Танкетке не сразу удалось догнать бегущих.

На небосводе был виден огромный, расплывающийся шар.

— Метеорит, Леночка, метеорит! — кричал Аникин, ловко вскакивая на танкетку. — Что я тебе говорил! — перешел он с Эллен на «ты». — Мы сами увидим сейчас оставленный им след! Конец спорам!

— Клянусь долларом, не похоже на атомную бомбу, совсем не похоже! — бормотал Том Годвин, ухватившись за выступ на танкетке и вскакивая на нее, как ковбой на коня.

Маленькая танкетка мчалась к месту взрыва, как славной памяти тачанка во время атаки.

Перегруженные моторы грелись.

Скоро небо из черного стало зеленым. Танкетка вошла в поднятое взрывом облако. Оно было более разреженным, чем во время недавнего «пеплопада». Однако Евгений замедлил скорость и включил прожектор.

Солнце просвечивало через зеленый туман, и само казалось странным, ярко-зеленым...

Зелеными казались и скрытые за прозрачными колпаками лица людей.

Евгений совсем замедлил ход.

Сверху падал твердый дождь. Это были хлопья пепла и мелкие, медленно оседающие песчинки.

Танкетка остановилась около дымящегося кольцевого вала.

Все соскочили на камни и осторожно подошли к новому образованию.

Том Годвин попробовал вал ногой. Он был рыхлым.

Аникин прикинул размеры образовавшегося кратера:

— Метров сто.

На дне кратера лежали осколки небесного камня.

— Какой гигантский снаряд! — сказала Эллен.

— Это что! — отозвался Аникин. — А ты представь себе древние небесные снаряды с озеро Байкал величиной. Падал такой камушек и насыпал кольцевые горные хребты при взрыве...

— Этого никогда не было, — спокойно заметил Петр Сергеевич.

— Это почему же? — возмутился Аникин.

— Как видите, характер взрыва метеорита совершенно не напоминает извержение вулкана. Камни разбрасывались не из жерла вулкана, направляющего, как ствол орудия, их

полет, а во все стороны; мельчайшая пыль образовала расширяющееся шаровое облако. Вся выброшенная порода оседает не кольцевым хребтом, как в лунных цирках, а по всему диаметру шара. И только вот эта морщина, — указал он на образованный взрывом вал, — представляет собой кольцо.

— Морщина! — отвечая своим мыслям, воскликнула Эллен. — Как это верно!

— Да, морщина, — подтвердил Громов. — От встречи с метеоритами на Луне появлялись только морщины, но отнюдь не горные кряжи.

— Морщины и раны, — поправила Эллен.

Громов пристально посмотрел на нее:

— Да, если хотите, то морщины и раны-кратеры.

— А кратер лунного цирка— не рана?

— Конечно, нет. В его центре вовсе не лежат осколки упавшего когда-то метеорита, а высятся прежде действовавший вулкан.

— Не думаю, что Федор Афанасьевич согласится с этим, — сказал Аникин.

— Не ручаюсь за академика Коваленкова, но тебе, Ваня, очевидно, все же придется с этим согласиться.

— Если бы на Земле взорвалась такая чертовщина, — сказал Том Годвин, — там немедленно решили бы, что сброшена атомная бомба... и начали бы войну.

— Видите, Годвин, как опасно играть с атомным оружием, бряцать им, грозить применить при первом подозрении... На Земле действие метеоритов ослаблено атмосферой, но и там остался кратер в Аризонской пустыне диаметром более километра. Тысячи лет назад там упал гигантский метеорит. А в тунгусской тайге в 1908 году ударился уже не метеорит, как установили последние экспедиции, а произошел ядерный взрыв. Можно спорить, что было его причиной: гибель ли марсианского корабля или неизвестный феномен природы, но одно можно сказать — начинать атомную войну из-за первого взрыва, не разобравшись в его происхождении, нельзя. Однажды я присутствовал на собрании физиков в Москве, где всеми уважаемый академик, анализируя тунгусскую катастрофу, подсчитал, что вероятность такого явления на Земле, могущего послужить началом атомной войны, вовсе не так уж мала. Она равна, как он сказал, вероятности выигрыша автомобиля в лотерее...

— Черт возьми! Если мне придется снова попасть в Америку, я расскажу, какой видел взрыв, и посоветую президенту от любых других взрывов воздержаться.

— Хотите, Годвин, я напишу это в своей очередной лунной корреспонденции на Землю? — предложила Эллен. — И знаете, что я еще добавлю к ней? Я расскажу людям о морщинах, которые остаются после космических встреч... И не только от космических встреч, но и от всяких других... иногда на лице, иногда в сердце... Если бы я могла показать вам зеркало, Том... я подсказала бы вам, какие морщины у меня появились вновь.

— От встреч с Луной? — спросил Годвин.

— Нет... Не только... Начиная с встречи с вами... Лучше, когда морщины бывают без ран.

Глава одиннадцатая

ТРЕЩИНА

Пейзаж Луны изменился. Исчез пепельно-серый покров. Каменное море, по которому двигались путники, казалось глазурью и отливало синеватой сталью с фиолетовыми блестками. Оно напоминало застывший шлак, местами гладкий, как лед, местами волнистый, с расходящимися кругами морщин, шероховатый и пористый.

Эллен вскрикнула, увидев из-за поворота глазурный наст равнины, по которому протянулись две полосы: одна золотистая — к косматому Солнцу, другая нежно-синеватая — к исполинскому шару Земли, висевшему над зубцами горного кряжа.

Эллен сидела на кузове танкетки у самой полусферы и опиралась на железную руку манипулятора.

— Как странно... лунная дорожка на Луне... На Земле верят, что лунная дорожка ведет к счастью.

— Может быть, потому... — тихо начал Евгений.

— Что она ведет к нам, на Луну, — договорила за него Эллен. — А эта дорожка ведет обратно... к синему небу, к полутеням, к мягкому рассеянному свету, к дождику, ко всему тому, что мы не ценили дома... на Земле. И, конечно, к счастью...

Танкетка с ходу остановилась.

Петр Громов и Аникин, ушедшие вперед, стояли неподвижно.

Все молчали.

Лунный шар, когда-то сжимаясь, здесь раскололся, как исполинский орех. Первозданная сила, словно мечом, разрубила планету. Гигантская трещина пропастью рассекла равнину Моря, крутостенным ущельем надвое развалила горный кряж. Части гор сместились относительно друг друга. Море делало огромный уступ, простираясь за трещиной уже метров на сто ниже.

Эллен соскользнула с танкетки и подошла к обрыву. Петр Громов придержал ее за руку.

— Да, это страшно! — сказала она.

Громов стоял, скрестив на груди руки и глубоко задумавшись. Он смотрел на противоположный, недоступный край трещины. Ее острая кромка была там совсем другого цвета, обведенная красноватой каймой. Розовые пятна причудливым узором отходили от нее на десятки метров, заполняя ямы и впадины равнины.

— Вот это я хотел увидеть больше всего в жизни, — сказал Петр Громов.

— Не знаю, сэр, что вы хотели, но я уже вижу, и, к счастью, на этой стороне, именно то, что по сердцу всякому, живущему в кредит.

Аникин удивленно наблюдал, как Том Годвин поспешно насыпал пирамидку камней.

— Что это ты? — поинтересовался он.

— Том Годвин платит по вексялям, Ван! Спасательная экспедиция, топливо — все за мой счет.

— На котором лишь прожитые годы?

— Все они не стоят последнего часа. Теперь на счете прииск имени невесты.

— Вот как? — заинтересовалась Эллен.

— Золотых слитков не меньше, чем в Нью-Йорке религиозных сект. Забирайте, сколько хотите, самородков. О'кэй! Прииск мой!

Аникин брал из рук Годвина темно-червонные, оструганные слитки с пятнами слежавшейся пыли в углублениях и возвращал их ему. Скоро тот уже не знал, куда их девать, заполнив карманы скафандра.

— На Луне, — сказал Аникин, — железный гвоздь, привезенный с Земли, становится золотым. По цене... Твои самородки, доставленные с Луны, обойдутся на Земле не дешевле искусственных изотопов золота.

Годвин не слушал. Он что-то написал на бумажке и положил ее на вершину горки.

— Не придавливай, — посоветовал Аникин. — И так пролежит тысячелетия, дождем не вымочит, ветром не сдует.

— Записку можно предъявить и раньше, — сказал Годвин и, вынув бумажку из-под камня, протянул ее Эллен.

Эллен прочла, нахмурилась и молча возвратила.

— В ракете... я выдумал невесту, — буркнул Годвин.

Озабоченная Эллен подошла к Петру Громову:

— Командор. Трещина — это страшно.

— Вы так считаете? — покосился на нее Петр Громов.

— А как вы думаете, чьим именем назван прииск?

Петр Громов пристально посмотрел на Эллен:

— Опасаетесь всяческих трещин?

Эллен посмотрела не на трещину, а на бумажку в камнях, на которой было написано: «Прииск Эллен».

— Объяснение было не лишено оригинальности, — сказала она.

— Что там вам объясняют, Эль? — тревожно спросил Годвин.

— Вред трещин, — ответила Эллен.

— Трещину нужно преодолеть, — внушительно произнес Петр Громов.

— К черту; командор! Головой рискуют бедняки, а сейчас вы имеете дело с богатым человеком, жизнь которого в Америке принято оберегать частными детективами.

— Мы рискуем не вашей жизнью, Годвин, а танкеткой.

— Жалею, что она пуста.

Эллен обернулась.

Танкетка приближалась к краю трещины, отбрасывая манипулятором крупные самородки. За полусферой виднелся Евгений.

— Напрасно золотом бросаешься, — заметил Петр Громов. — Тяжелые камни пригодятся для трамплина.

— Это не щедрость смертника с электрического стула? — поинтересовался Годвин.

— Нет. Трезвый расчет, Петр Сергеевич.

— Наташа уже побежала в соседний корпус, — сказал Евгений. — На дворе ливень. А она, в чем была, выскочила. Электронно-математическая машина сейчас высчитывает скорость разбега, угол взлета, силу удара...

Эллен восхищенно смотрела на Евгения:

— И вы прыгаете?

— Даже если бы находился в кабине, — ответил он.

Через пять минут в полусфере танкетки рядом с Евгением появилась голова Наташи. Мокрые волосы свисали на плечи прядями, на озабоченном лице виднелись капли дождя. Она тяжело дышала.

Евгений взял у нее перфорированную карточку.

— Ну как? — спросил Петр Сергеевич.

Евгений посмотрел отсутствующим взглядом на брата, потом обернулся к горному склону, словно оценивая его:

— Может быть, с него удастся разбежаться. Скорость нужна не ниже ста сорока трех километров в час. Угол взлета — 45 градусов.

— Как у старых гаубиц, — заметил Аникин.

— Так и думал. Будем насыпать трамплин, — решил Петр Громов. — А удар? — и он посмотрел на Наташу.

Она смутилась: — Здравствуйте, Петр Сергеевич. Простите, я совсем вымокла. Математическая машина сейчас заново проверяет все узлы на удар.

— Спасибо, Наташа, — сказал Петр Громов и скомандовал: — За работу, друзья!

Наташа долго наблюдала через приоткрытую дверь макета танкетки, как люди на Луне поднимали огромные камни и возводили каменный трамплин, похожий на снежную катушку для детей.

Танкетка приволокла в железных руках глыбу камня, которая не уступала постаменту памятника Петру I в Ленинграде. Ее положили у самого края пропасти.

Трамплин был готов.

Побледневшая Эллен наблюдала, как танкетка, примеряясь, заезжала на насыпанную крутую каменную горку. Трамплин обрывался на краю трещины. Эллен с сомнением измеряла глазами расстояние до противоположного края. Трудно было поверить, что машина долетит до него.

Петр Громов угадал ее мысли. Он сказал:

— На Земле лава вулканов, выброшенная из кратера, тут же стекает по склонам. На Луне тяжесть меньше, и лава пролетала над поверхностью десятки километров, образуя кольцевые хребты цирков.

— Ну, это еще не доказано! — запротестовал Аникин.

— Сейчас убедишься. Евгений с танкеткой уподобится вылетающей из жерла вулкана каменной глыбе.

Танкетка забралась высоко на горный склон и замерла там, словно не решаясь ринуться вниз.

В шлемофонах ощущались шорохи, похожие на шум дождя. Они доносились с Земли, из лаборатории дальне-управления, в которой было открыто окно.

Но вот танкетка двинулась, помчалась, подпрыгивая на камнях, кренясь то в одну, то в другую сторону. Бег ее все ускорялся, она уже пролетала по десятку метров над камнями, снова касалась их и вновь взлетала, готовая оторваться от поверхности. Нужно было обладать феноменально быстрой реакцией и точной интуицией, чтобы рассчитать на три секунды раньше толчки и повороты танкетки. Ведь Евгений видел все с опозданием на полторы секунды, и столько же тратилось на то, чтобы его команда достигла аппаратов танкетки...

Совершенно беззвучно, подпрыгивая и грохаясь на камни, танкетка подлетела к трамплину, задела его одной гусеницей, накренилась и вдруг вывернулась, но не опрокинулась, оказалась на узкой взбегающей дорожке. Еще мгновение — и она, устремясь носом к звездному небу, сорвалась с вертикального обрыва и, как по воздуху, которого нет на Луне, подобно выпущенному снаряду, полетела над мрачной пропастью. За ней змеилась веревка...

Танкетка достигла высшей точки полета и стала падать в пропасть. Для тех, кто смотрел сверху, казалось невозможным, что она долетит до другого края.

Эллен вскрикнула и отвернулась.

— Ох, черт возьми! — простонал Том Годвин.

— Есть! — крикнул Аникин. — Ну и молодец!

Танкетка пробежала несколько метров по камням и остановилась.

Петр Громов обнял Эллен за плечи. Аникин и Годвин стали вытаскивать провисшую через пропасть веревку. Другой ее конец был так далеко, что казался светящейся ниточкой на фоне черного провала, глубину которого невозможно было даже представить.

— Не удивлюсь, — тихо сказал Петр Громов, — если здесь можно почувствовать дыхание еще не остывшей планеты.

— Вы хотите сказать, что там, куда можно сорваться, — не просто холодная тьма, а расплавленная магма? — подняла на него глаза Эллен.

— Я знаю, что это за красные пятна на той стороне! Если бы я мог перепрыгнуть, как танкетка, я был бы уже там. Мы переправимся с вами вместе, первыми...

— В вагончике канатной дороги над Ниагарой мне казалось... что я сорвусь. Внизу были пенные струи, как на мраморе.

— Канатная дорога готова, — отозвался Аникин. — Только вместо вагона — крюк.

Натянутая между трамплином и танкеткой веревка шла круто вниз, провисая над черным проемом.

Громов решительно подошел к трамплину.

— Аленушка! — неожиданно ласково позвал он Эллен.

Эллен подняла брови, улыбнулась и покорно подошла. Том Годвин дотронулся до руки командора:

— Обязан вам жизнью. Сейчас речь о большем.

Громов кивнул.

Аникин надел на веревку крюк и приспособил к нему веревочную петлю, в которую можно было вдеть одну ногу, как на гигантских шагах. Потом накинул на канат вторую веревочную петлю для торможения.

Петр Громов скрепил свой пояс с поясом Эллен.

Том Годвин хотел было попрощаться с Эллен, но Громов так свирепо взглянул на него, что он отступил. Аникин вел себя так, словно ничего особенного не происходит.

Вниз по канату скользнули две тесно обнявшиеся фигурки. Скафандры казались ослепительными на фоне черноты провала.

Эллен не хотела смотреть вниз, но она не простила бы себе, если бы не взглянула.

В бездне густела неимоверная чернота, как в космическом небе, даже еще темнее, потому что не было звезд. Впрочем, если не звезды, то что же светилось там, в глубине? Или это причуды головокружения?

Нет! У Эллен не кружилась голова. Она упивалась свободным полетом, не чувствовала собственного веса, не замечала поддерживавшей ее веревки. Рядом был могучий человек,

для которого она была легче пушинки, и который заставлял ее летать... и она летала. Это было самое острое, самое невозможное ощущение... Нет! Наслаждение!.. Какое бывает во сне, когда одного усилия воли достаточно, чтобы оторваться от земли, взмыть над миром, парить, торжествуя!

Движение стало замедляться, полет прекратился. Громов уперся ногами в камни и помог Эллен встать. Он легко приподнял ее одной левой рукой.

— Мы летали, — слабо сказала она. Громов опустился на колени, снимая с камней странный красноватый налет.

— Жизнь! Слышите, Аленушка, это жизнь!

Он растирал что-то, подобное плесени, на перчатке.

— Жизнь? удивилась Эллен. — А это? — и она указала на беспомощно расстелившуюся на камнях гусеницу трака.

Петр Громов выпрямился. Только сейчас он увидел страшную аварию, которая произошла с танкеткой при ударе. Глаза его тревожно сузились, но на губах еще застыла торжествующая улыбка ученого, открывшего жизнь на Луне.

Глава двенадцатая

ПЕЩЕРА СОКРОВИЩ

Первые люди на Луне молча стояли над разбитой машиной. Полусфера стала молочно-белой. Изображения на ней не было. Танкетка казалась пустой.

Аникин и Петр Громов определили повреждения. Порвалась гусеница, лопнул поддерживающий ролик. Были обрывы в радиосхеме телевизионного устройства. Нужно было восстановить и питание аккумуляторов от солнечных батарей. Часть полупроводниковых элементов должна была быть на солнце, а часть в тени. Перепад температур более ста градусов обеспечивал большую мощность. От удара щиток, создававший тень, отлетел и потерялся.

Эллен все дальше удалялась от танкетки, стараясь разыскать щиток.

Она ходила по красным пятнам «лунного леса». Лунный лес, как назвала его Эллен, выглядел ржавчиной на камнях. Рассмотреть эту плесень можно было лишь в микроскоп. Может быть, это были мельчайшие грибки.

Танкетка уже не двинется, экспедиция останется здесь. Это и лучше, стоит ли уходить от «прииска невесты»? Пусть уж лучше сюда прилетит большая ракета с Земли. Можно будет больше увезти самородков. Нет худа без добра.

Все это Годвин сказал Эллен, догнав ее.

— Боюсь, что вы плохо знаете, Том, командора, — задумчиво ответила она. — Он нашел здесь лунный лес и лунный ветер. Найдет и вулканы.

— Вулканы еще туда-сюда... Но ветер?..

— А что вы думаете? Почему равнина у трещины гладкая, глянцевитая и без пыли? Через трещину из глубин планеты вырываются углекислые газы. Они питают эту жалкую растительность. Они, растекаясь по равнине моря, сметали с нее пыль.

— У вас это здорово получается, Эль. Вы прекрасная ученица.

— Вы так думаете, Том?

Эллен и Годвин нашли щиток и принесли его к танкетке.

Аникин уже устранил повреждение в схеме, и танкетка теперь не была пуста.

— Как вы поживаете, мистер Громов? — приветствовал Евгения Годвин. — Вы снова здесь, чтобы доказать ненужность присутствия людей на Луне?

— Без вашей помощи не двинусь, — признался Евгений.

— Скажи об этом матери, — попросил Петр Громов. — Скажи, что мы друг без друга — никуда.

Подошел Аникин:

— Все ясно. На день работы — не меньше.

— Мы не можем терять целый день, — решительно сказал Петр Громов. — До лунной ночи их не так много. Мы должны идти дальше. Аникин останется ремонтировать танкетку.

— Как? — ужаснулась Эллен. — Идти без танкетки?

— Годвин понесет запасной баллон кислорода. Танкетка через сутки догонит нас.

— Вам мало сделанных открытий?

— Открытия еще ждут нас.

— Вы ненасытны, командор... Вы слишком сильны, чтобы идти с вами рядом.

— Я понесу вас на плече.

Том Годвин согласился неохотно. Командор посадил Эллен к себе на плечо. Годвин же взвалил на плечо кислородный баллон.

Эллен часто оглядывалась назад. Какой близкий, оказывается, на Луне горизонт, как скоро скрылась за его выпуклостью танкетка с фигуркой возившегося около нее Аникина.

— Жизнь на Луне допускали многие ученые, — говорил Петр Громов. — Даже с Земли на лунном диске вблизи некоторых трещин замечалось изменение цвета поверхности. Жизнь удивительно цепка. Она существует в самых невероятных условиях: в стратосфере и в глубине океана, в Антарктиде и в земле без доступа кислорода. Я собрал лунную плесень в пробирку.

— Вы знаете, командор, я уже люблю Луну. Кто солгал, что природа ее однообразна?

После нескольких часов пути равнина моря не напоминала уже больше ни застывшие каменные волны, ни расплескавшийся шлак. Она была покрыта круглыми холмами,

похожими на вздувшиеся пузыри. Кое-где пузыри прорвались, и их края в миниатюре напоминали лунные цирки.

— Может быть, и цирки образовались когда-то так же? — сказала Эллен. — Я представляю себе клокающую поверхность планеты. Вздуваются исполинские пузыри, лопаются, взрывом взлетает газ, а по кромкам пузыря остаются кольцевые горные хребты.

— Расскажите это все Аникину, Аленушка. Самой большой научной ошибкой бывает попытка все объяснять единой причиной. Метеориты, так уж одни метеориты... Вулканы, так уж только одни вулканы... На структуру лунной поверхности влияет множество причин. В том числе, и газовые пузыри. Кстати, Годвин, я прошу вас, будьте осторожным, поднимаясь на вздутость.

— К черту, командор! Я не хочу ограничиваться только приисками. Если мисс Кенни открыла на Луне газовые пузыри, то позвольте уж мне поплясать на макушке одного из них.

Эллен и Громов увидели, что Годвин со своей ношей стал взбираться на пологую вздутость. Из-под его ног стали разбегаться трещины.

— Осторожно! — крикнул Громов. — Проваливаетесь...

Годвин и сам почувствовал, что почва колеблется. Инстинктивно он сбросил тяжесть. Кислородный баллон упал на корку пузыря и пробил ее. Сверкнули черные трещины. Из них стал подниматься оранжевый дым.

Спохватившийся Годвин встал на колени, протягивая к баллону руки.

Громов спустил Эллен на камни.

Баллон исчез в зияющей дыре. Желтое облако вырвалось из отверстия и окутало Годвина.

— Том! Ложитесь и не шевелитесь! Ползу с веревкой.

Желтая дымка рассеивалась медленно.

Эллен в ужасе стояла у основания холма. Командор полз по-пластунски к едва видневшемуся на вершине Годвину.

Но командор весил слишком много даже для Луны. За ним оставался след разбегающихся зигзагообразных трещин.

— Черт возьми! — сдавленным голосом сказал Годвин. — Как бы достать снизу этот дьявольский баллон. Я готов спуститься за ним на веревке.

— Не шевелитесь, — скомандовал Громов.

Он почти добрался до Годвина и бросил ему конец веревки. Но корка была слишком тонкой. Она провалилась...

— Боже! — крикнула Эллен.

— Стойте! Не подходите! — крикнул ей Громов.

И Громов и Годвин провалились по пояс, едва удерживаясь, распластав руки. Корка оседала.

— SOS! SOS! — в отчаянии кричала в шлемофон Эллен. — Ваня! Мираж! Несчастье! Они проваливаются. Скорее на помощь! Вы слышите меня? На помощь, на помощь!

Аникин слышал ее голос. Он вскочил и обменялся взглядами с Евгением. Евгений подал ему манипулятором брошенный молоток.

— Чинить солнечную батарею не будем. Склепай хотя бы гусеницу, — сказал он. — Скорей!

Эллен видела зияющую дыру на вершине вздутости. Ни Громова, ни Годвина на поверхности больше не было. Эллен легла на живот и стала медленно подползать к краю провала.

Она была легче мужчин, и корка держала ее. Она добралась до рваного края. За ним была черная пустота. Эллен заглянула вниз:

— Командор! Том! Отзовитесь!

— Аленушка! Не подползай! Поберегись!.. На Земле мы бы разбились...

— Зацепились за выступ, — донесся голос Годвина. — Баллон погиб. Отсюда не выберешься. Скоро конец, Эль.

Из глубины, образованной газовым пузырем пещеры, был виден круг черного звездного неба, а на нем светлое пятнышко шлема скафандра.

— Простить меня, командор, знаю, нельзя, но... так уж принято перед концом.

— Виноват скорее я, Том. Нельзя было уходить от танкетки. Кислорода хватит на несколько часов.

— Будем считать, что похороны состоялись. Дым салюта печально лег на землю. Тела опустились в заготовленную яму. А давно она была для нас заготовлена, командор?

— Думаю, что миллионы лет. У нас есть достаточно времени, чтобы изучить ее. — Громов зажег электрический фонарик, и тотчас пещера засверкала разноцветными кристаллами, сплошь покрывшими ее стены.

Том Годвин даже присвистнул:

— Недурная шкатулочка!

— Еще одна научная находка. Что это у вас в руке?

— Наверное, алмаз. Прозрачен, как слеза, которую никто из-за меня не прольет. Черт возьми, командор! Лунный алмаз тает в руках, как моя надежда...

— Подождите, Годвин! Вы сделали бесценное открытие! Это лед... Ископаемая вода!.. Аленушка! Вы слышите там, наверху? Здесь вода.

— Ваня торопится! Он скоро выедет. Не падайте духом, — послышался в шлемофонах голос Эллен.

— Духом мы не упадем, лишь бы не свалиться вниз телом, — отозвался Громов, освещая дно пещеры. — Стойте! Что это там за лужа? Вода? Но почему она черная!.. Том! Скорее! Помогайте мне, пока жидкость не испарилась.

— Черт возьми, командор! Нужно думать о спасении души, о Земле, хотя бы, а вы...

— Я думаю о Земле, Том! О сокровищах Земли.

— Как так? — удивился Годвин, помогая командору спускаться по отвесной стене, усыпанной иглами самоцветных кристаллов.

— Здесь когда-то кристаллизовались пары магмы, — говорил Громов.

— Вы удивительный человек, командор. С вами не затоскуешь и в чистилище.

— Том! Аленушка! Я успел взять жидкость в пробирку! Если это то, что я думаю, то люди откроют на Земле бесценные сокровища.

— Ваня сейчас выезжает! — кричала сверху Эллен.

— Передайте... когда бы ни добрались... обязательно... непременно пусть возьмут у меня эту пробирку. Очень важно.

Эллен плакала. Она передала по радио странный приказ командора.

...Аникин с силой ударил в последний раз молотком и отбросил его в сторону:

— Ну, Евгений, теперь все от тебя!.. У них скоро не останется кислорода...

Танкетка рванулась с места, присев на заднюю часть гусениц. Она помчалась по камням, словно разбегаясь для нового прыжка.

Эллен первая почувствовала нехватку кислорода. Она лежала у края провала и все смотрела вниз, в темноту.

Командор запретил ей говорить, советовал уснуть. Во сне меньше расходуется кислорода.

Она лежала и думала... О Евгении и о командоре... и еще о Томе. Ей казалось все таким странным, как во сне... Ведь она должна была спать... В висках стучало. Она действительно скоро уснет. И совсем это не страшно.

Танкетка мчалась по следам людей. Здесь уже не мели лунные ветры, и пепел, как и в других местах, лежал миллионы лет.

Аникин стоял, нагнувшись вперед, подталкивая рукой полусферу, словно мог ускорить бег машины.

И вдруг машина остановилась... Она бессильно пробежала несколько метров и застыла, накренившись на камне.

Аникин соскочил:

— Что? Толкнуть? — тревожно спросил он, и вдруг увидел, что в полусфере нет изображения. Он бросился к проводам радиосхемы и вдруг понял... Он упал на камни и зарыдал.

Евгений Громов распахнул дверцу макета танкетки и вихрем выскочил в лабораторию.

— Наташа! Наташа! — кричал он. — Где же ты, Наташа! Погибло все, все... Луна зашла за горизонт.

Наташи не было. Евгений не мог понять, как она могла оставить лабораторию в такую минуту. Он опустился на стул, зажав руками голову.

Глава тринадцатая

КОЛЬЦО ДРУЖБЫ

Под крылом самолета плыли прямоугольники разграфленных каналами полей. Страна трудолюбия, отгороженная от моря дамбами, осушенная каналами и насосными станциями, качавшими воду в море, уровень которого был выше крыш, казалась огромной шахматной доской.

Широкий канал натянутой лентой разделял поставленные рядом клетчатые доски. Пароходы и моторные барки рассыпались по нему пятнами. Рядом тянулись линейки рельсов. Игрушечный поезд на них будто стоял. Параллельная полоска шоссе была усеяна автомобильчиками, а вереница велосипедистов на бетонной тропинке казалась цепочкой.

Резко к самому крылу вдруг поднялись домики с крутыми крышами, стали видны переброшенные с порога мостики, замелькали кроны редких деревьев. Самолет шел так низко, что должен был врезаться в забор.

Но заборов в Голландии не строят.

Не было забора и у Амстердамского аэродрома, центрального узла западных воздушных путей. Джон Смит прекрасно знал это еще в пору, когда сам летал. Теперь он был... пассажиром. В последний раз на этот аэродром он сажал самолет трансатлантической линии вместе со вторым пилотом Томом Годвином, который бродит теперь где-то по Луне, а тогда, готовясь к космическим полетам, проходил практику на современных реактивных самолетах.

Здесь, в ресторане для экипажей, состоялись провода Джона Смита. Он восседал на высоком табурете у стойки рядом с Томом Годвином, и отечески поглядывал на тоненьких, затянутых в форменные костюмы девушек, которые вбегали с летного поля на игольчатых каблучках. А парни со всех линий — англичане, поляки, русские, немцы, французы, чехи, шведы и, конечно, голландцы — в различных, но чем-то похожих формах подходили к Смиту, едва появляясь в ресторане, и чокались, опрокидывали вместе с ним стаканчик. Все они были здесь друзья: и польский летчик Казимир Нагурский, гордившийся своим родственником — первым русским полярным летчиком, и француз Лавеню, неистощимый весельчак, и грузный Герберт Шварц, отказавшийся в свое время служить в военной авиации, и даже отсидевший за это в Западной Германии, и иронический Джолиан Сомс, сын лондонского докера и поэт, наконец, эти советские парни, только что прилетевшие на обгоняющем время «ТУ». Все, все они знали друг друга, присаживались за один столик и

обменивались шутками, и жалели старого Джона Смита, который заканчивал свой последний рейс.

— Нет, не последний, — толковал каждому Джон Смит. — Я еще полечу, вернее, вылечу с места. Вот это и будет последний полет.

Летчики хохотали, тревожно поглядывая на старого летчика. Трудно будет ему, многосемейному, найти работу.

Тогда и сказал Том Годвин:

— Хэлло, Джон, не терзайте всем душу, словно вас уже наняли на постоянную работу в ад. Я устрою вас в космопорт. Не хотите ли поддерживать со мной связь через космические бездны, наполненные надеждами?

— О'кэй! — сказал Джон Смит. — Это не хуже, чем просто выть на Луну.

На самом деле это оказалось почти одним и тем же. Джон Смит работал в радиорубке космопорта, но Годвина не слышал... Американская ракета «Колумб» разбилась о лунные скалы. Том Годвин и эта молодчина Кенни, получившая во всем мире прозвище Космической Элен, примкнули к русским, и все вместе, бросив русскую ракету с радиоаппаратурой, отправились пересекать лунный диск!.. А связь с Землей поддерживали через телеуправляемую танкетку только в те часы, когда Луну было видно в Москве.

Джон Смит чувствовал, что даром ест хлеб и имеет все шансы вылететь с места. Однако не только забота о себе и семье привела его на Амстердамский аэродром. Ему казалось очень важным поддерживать с Луной связь круглосуточно. Многие газеты хорошо бы заплатили, чтобы получать корреспонденции от Космической Элен и, на худой конец, от Тома Годвина непосредственно, а не через русских.

За окном самолета замелькали бетонные плиты. Негр Джонсон недурно посадил самолет. Смит всегда считал, что эти черные ребята на многое способны.

Пассажирам не полагалось ходить по летному полю, они должны были сесть в автобус, смешной и необычный. Его кузов почти касался дном бетонных плит, сзади опираясь на колеса, а впереди на моторную тележку, которая как угодно поворачивалась под ним и возила не только его, но и бензоцистерну.

Джон Смит с удовольствием нарушил правила и шел в ресторан экипажей вместе с Джонсоном пешком.

Джонсон был гигантского роста. Джон Смит не уступал ему в ширине плеч, но ростом был вдвое ниже. Словом, он не стал бы выставять свою фигуру на конкурс красоты.

Впервые входил Джон Смит в знакомый ресторан, одетый в сидящий мешком штатский костюм.

Но его узнали, стали подниматься от разных столиков, звали выпить стаканчик.

И все говорили о Томе Годвине. Вот это парень, он нашел себе на Луне подходящую компанию! Черт возьми, если бы нужно было послать на Луну целую армаду ракет, недостатка в пилотах наверняка не было бы.

— Он сидел вот на этом табурете у стойки, — говорил Джон Смит, — а я не могу с ним даже говорить, хоть он специально для этого устроил меня в космопорт. Когда из Америки видно Луну, то сопровождающая Тома танкетка глохнет, как старый джентльмен, у которого просят взаймы.

— Нужен голос погромче? — спросил грузный Шварц.

Джон Смит сделал в воздухе неопределенный жест.

— Если бы все парни захотели...

— Я понимаю вас, Смит, — сказал Казимир Нагурский.

— Поднять в воздух антенны, наладить ретрансляцию?

— О'кэй! — воскликнул Джон Смит. — Именно это я и думал.

— Если бы генералы приказали вместо атомных бомб брать антенны и патрулировать с ними в воздухе, все было бы в порядке, — заметил Джолиан Сомс.

— А не у нас ли за спиной жезлы маршалов авиации? — заметил Жак Лавеню.

— Самовольно подняться в небо и крутить там? — осведомился Шварц.

Лавеню не успел ответить. С летного поля вбежала взволнованная голландка в сером, перетянтом в поясе костюме и в сбившемся берете.

— Джентльмены! — крикнула она. — Москва!..

Все насторожились.

— Москва... О Луне... Телефонный вызов... Всем вам... Включаю репродуктор.

В репродукторе зазвучал женский голос. Казимир Нагурский и Жак Лавеню переводили с русского на английский язык.

— ...положение почти безнадежное. Советское правительство еще вчера обратилось по дипломатическим каналам, а ждать уже нельзя. Они погибают.

— Кто? Кто? — слышалось в зале.

— Петр Громов и Том Годвин... и Эллен Кенни. Все они задыхаются, а танкетка не может доставить им кислород. Луна зашла в Москве за горизонт.

— А что я говорил! — в отчаянии крикнул Джон Смит.

— Тише! — громовым голосом потребовал негр Джонсон.

— ...спасти их еще возможно. Если бы каждый вылетающий самолет нес на себе антенну.

— Блестяще! — не выдержал Жак Лавеню. — Именно каждый!

— ...весь мир фактически был бы опоясан кольцом антенн...

— Кольцом дружбы, — вставил Джолиан Сомс.

— Так ведь это я и хотел предложить! — сказал Джон Смит. — Ведь если бы все парни...

— Друзья! Я говорю прямо из лаборатории, — взволнованно продолжала Наташа. — От вас зависит спасение первых исследователей Луны...

Первые исследователи Луны задыхались...

Сознание у Громова помутилось. Хотелось сорвать колпаки шлемов, разодрать на груди скафандр...

Эллен потеряла сознание. Она лежала около провала и словно спала, положив под шлем руку. Ведь командор приказал ей уснуть...

Танкетка, беспомощно накренившись на камне, стояла среди пустынных лунных скал. Вокруг никого не было...

Аникин давно скрылся за утесами. Он бежал, держа баллон на плече. При каждом шаге он взвизывал над поверхностью, пролетал два — три десятка метров, едва касался ногой камня, отталкивался и снова взмывал...

Петр Сергеевич не позволял прыгать на Луне, боясь неожиданностей. Теперь Аникин мог не считаться с запретом. Все решала скорость. Он не бежал, а летел, лишь изредка касаясь ногой камней. Такое чувство полета бывает лишь во сне!.. Вместе с баллоном он весил едва треть того, что весил на Земле. Хорошо натренированные мускулы спортсмена как нельзя более нужны были сейчас. Что-то подобное он испытывал на пружинной сетке, подбрасывавшей его в тренировочном зале. На ней он привык владеть телом в прыжке.

Редкий спортсмен может бежать в течение часа. В висках у Вани стучало: не хватало кислорода.

Прыжки становились все короче, ноги не повиновались. Казалось, после следующего шага он упадет и не встанет.

И Ваня упал. Острая боль ожгла ногу. Он застонал и стиснул зубы. Ведь его могут услышать в шлемофоны!..

Он поднялся, хотел: еще раз прыгнуть, но снова упал.

Встать он уже не мог, но не остановился, пополз, волоча кислородный баллон, с трудом перебираясь через трещины.

Надежды не было. Было лишь тупое упорство, невыключенная воля и тревога за дорогих и близких людей...

На слое тысячелетней пыли оставался извилистый след. На миллионы лет сохранится эта странная запись первой лунной трагедии...

На Луне нет звука, на ней не может быть звуков!.. Что это? Галлюцинация?

Или так сердце стучит? В висках шумит! А этот грохот?

Это ж по камням звук передается!..

И вдруг что-то промелькнуло мимо ползущего Аникина.

Не веря глазам, он смотрел вслед мчащейся танкетке, за которой поднималась медленно оседающая пыль.

Ужас сковал Аникина, сердце словно остановилось, перед глазами пошли круги... Танкетка промчалась мимо. Аникин поднялся на колени и закричал... Но кричал он уже от радости, еще ничего не понимая, но ликуя:

— Жми, жми! Гони! Успеешь! Эх, молодец!..

Он видел, как танкетка взлетала на воздух, перелетая над трещинами или подскакивая на неровностях.

В последний раз она подскочила, сверкнула на черном небе и исчезла уже за горизонтом.

Когда она подлетела к провалу, корка затрещала под ее гусеницами. Только быстрота могла предотвратить катастрофу. Железные руки на ходу подхватили лежащую неподвижно Эллен, оттащили ее от провала и стали присоединять баллон кислорода к дыхательному аппарату скафандра.

Евгений действовал быстро и четко. Никогда не ощущал он так этих бесконечных трех секунд, которые отделяли его мысль и команду от ее выполнения. Ему казалось, что манипуляторы не повинуются ему... Эллен пришла в себя.

— Аникин отстал... Надо спуститься... Вы сможете, Селена?

Эллен постаралась улыбнуться, но слишком велика была тревога. Она вскочила на ноги и хотела бежать к провалу. Евгений остановил ее.

Через минуту, привязанная за пояс, она нерешительно передвигала ноги, приближаясь к чернеющему проему.

Танкетка медленно двигалась за ней в отдалении. Укрепленная за ее передний крюк веревка все время оставалась натянутой.

Эллен бесстрашно бросилась в черную пропасть.

Танкетка так же медленно приближалась к ней.

Веревка ослабла... Танкетка остановилась...

Мучительно текли секунды. Евгению казалось, что испортилась аппаратура, что она не передает больше движения. Все было мертво и недвижно на Луне...

Но вот веревка слабо натянулась.

Три секунды, три бесконечные секунды понадобились Евгению, чтобы танкетка, выполняя его приказ, начала пятиться...

Переброшенная через край веревка прорезала в кромке углубление, превратившееся в трещину. Эллен не показывалась, хотя танкетка дошла до нужного места... Корка нависла над Эллен!..

Но вот отвалился у края провала большой кусок корки, из проема высунулась рука...

Маленькая женщина выбралась. Почти с противоестественной силой вытащила она двух грузных мужчин. Это можно было сделать только на Луне...

Танкетка стала пятиться, оттаскивая всех троих от опасного места.

Волосы слиплись у Евгения на лбу, тенниска прилипла к спине...

Глава четырнадцатая

ПЕНА ЖИЗНИ

Аникин и Годвин возились с баллоном. Петр Сергеевич сидел поодаль на камне и писал дневник.

На серых, покрытых слоем пыли камнях лежала темная масса. От нее тянулся шланг к баллону с надписью «Воздух».

Эллен наблюдала, как надувается резиновая палатка, в которую Аникин впускал воздух. Том Годвин расправлял складки.

С камней стала вздыматься бесформенная масса, постепенно обретая неожиданные для дикого пейзажа формы земного дома.

Резиновая палатка не нуждалась ни в каких подпорках. Внутреннее давление наполнившего ее воздуха заменяло балки, стропила, каркас и колонны. Среди лунных скал возник маленький домик с полусферической крышей, похожий на фургончик, только без колес. В нем были два целлулоидных окна и тамбур.

Петр Сергеевич встал и указал Эллен на баллон с водой:

— Сегодня у вас будет праздник, Аленушка.

— Я подумала и не нашла, как благодарить вас, командор.

— Что ж, друзья, войдем в дом, — предложил Петр Сергеевич. — Жаль, Жене придется остаться на улице.

Петр Громов взял Эллен за руку и ввел ее в тамбур воздушного шлюза. Дверь за ними закрылась. Он зажег электрический фонарик. Стали видны гармошки сморщенных стен. Но они быстро расправлялись. Тамбур заполнялся воздухом.

Наконец Громов с улыбкой посмотрел на Эллен и легко открыл дверь в домик.

Он вошел в небольшую комнатку и с облегчением снял шлем скафандра, потом помог освободиться от шлема и Эллен.

Счастливая и растерянная, она оглядывалась. Резиновые стенки словно состояли из отдельных подушечек, напоминая стеганое одеяло. Посередине тумбой возвышался надувной столик с алюминиевым верхом. По обе стороны его, как в железнодорожном купе, поднялись надутые воздухом резиновые диваны.

Эллен несколько раз вдохнула в себя воздух.

— Как на Земле! Как на Земле! — сказала она и вдруг заплакала.

Открылась дверь, и один за другим в дом вошли Аникин и Том Годвин.

Эллен засуетилась у стола:

— Что вы подумаете, — говорила она, — в первый раз мы пообедаем без этих противных резиновых трубок, через которые приходилось сосать питательную кашу. Но прежде я должна воспользоваться сокровищем, которое презентовал мне командор.

Том Годвин сел за стол и, совершенно подавленный земной обстановкой, сжал голову руками, поставив локти на стол.

— Обедом займусь я, — предложил Аникин. — Поджарю филе соус мадера! А ты, Леночка, займись собой. Мы отвернулись.

Петр Громов расставлял на столе реактивы и две пробирки, одну с темной жидкостью, найденной на дне пещеры, другую с красноватой плесенью, соскобленной с камней.

— А знаете ли вы, что это за черная жидкость? — отозвался Петр Сергеевич. — Это нефть!

— Вода превосходнее! — беспечно засмеялась Эллен.

— Кристаллик воды тоже был найден на Луне. Но нефть!.. Да вы знаете ли, что это означает?.. Если нефть есть на таком космическом теле, как Луна, то...

— То нефть не биологического происхождения! — договорил за Громова Аникин.

— Вот именно. Пусть Луна и оторвалась когда-то от Земли, оставив выемку Великого океана, это было еще до поры, когда появилась жизнь на Земле.

— Земля! — прервал Годвин. — У меня все внутри перевертывается, когда я слышу это слово.

— У многих сейчас перевернутся представления о ней. Нефть — это не остатки живых существ, как думали многие, а химическое соединение, образовавшееся при формировании земной коры, — ее жидкая составляющая наряду с водой. В глубине Земли можно найти океаны нефти. Чем глубже в Землю, тем ее будет все больше!.. Никогда не наступит нефтяной голод на Земле...

— Слушайте, друзья, — продолжал Громов. — Эта лунная плесень оказалась белковым веществом. Она наверняка питательна!

Он откинулся на спину дивана и торжествующе оглядел всех. Перед ним на столе, как трубки маленького органа, стояли ряды стеклянных пробирок с разноцветными светящимися реактивами, лежали стеклянные квадратики с помутневшими каплями и крупинками красноватого вещества.

Годвин снова охватил голову руками:

— К черту! Я не двинусь дальше с места. Мы с мисс Кенни — американцы. Смысл жизни — в комфорте. Мы остаемся здесь,

— Годвин, тише, — остановил Петр Сергеевич. — Вы только посмотрите. Плесень бурно реагирует на новые условия. Она поглощает углекислоту и, вероятно, даже азот!.. Она увеличивается в объеме на глазах. А что, если перенести лунную плесень на Землю? Вы только посмотрите, она поднимается, как на дрожжах...

Годвин покосился на красноватую массу, занявшую уже часть стола

— Черт возьми, «оно» пухнет, — проворчал он.

— Вы представляете, какие урожаи белкового вещества можно получить, если перенести споры этой плесени на Землю? Это необыкновенное наше открытие, друзья!.. Если мне посчастливится, и я увижу с горного кряжа «ту сторону» и вулкан, который нельзя разобрать на фотографиях, если докажу вулканическое происхождение лунных гор, то задача нашей экспедиции будет выполнена!

— Я пойду с вами, командор! — заявила Эллен.

— Вы же хотели остаться еще в ракете!.. — запротестовал Годвин.

— Нет, Аленушка, — мягко сказал Громов. — Никто не пойдет, кроме меня. Я получил такое указание из Москвы. Годвин прав. Вы все останетесь здесь. Нельзя рисковать всеми членами экспедиции, отрывать их от танкетки, от нашей базы, от связи с Землей. Вы подождете меня здесь.

Петр Громов восхищенно смотрел, как расплзается красноватая масса по столу, уже стекает с него на диван и на пол:

— Пена жизни! Как это необыкновенно красиво! Пена жизни! Всепобеждающая жизнь! Она попала в лучшие условия, и вы посмотрите, какая неотвратимая жадность роста. Живое сокровище!.. Им будет питаться скот Земли. Еще Тимирязев мечтал о «хлебе из воздуха». Ведь в воздухе есть все материалы для создания питательных белков. И вот видите, где был скрыт механизм такого преобразования. На Луне!..

— Черт возьми, командор! Я бы не так восхищался этим дьявольским тестом. Оно растет, как банковский счет у Рокфеллера.

На столе творилось нечто невероятное. Эллен в ужасе смотрела, как вздымается, стекая на диваны и на пол, красноватая шевелящаяся пена. Она, словно из невидимого крана, вливалась в резиновую палатку, взбухая, заполняя собой все...

— Лучше выбросить ее наружу, — предложил Аникин.

Он и Годвин стали сгребать живую пену и выбрасывать через открытую дверь в шлюз. Эллен после брезгливого колебания присоединилась к ним. Основную массу удалось удалить, закрыв в тамбур дверь. Но оставшаяся плесень, размазанная по столу и полу, вновь набухала, пузырясь и шевелясь.

Стало тяжелее дышать. Аникин добавил воздуха, который расходовался на рост пены.

И пена сразу взбесилась, словно прорвала плотину. На полу уже некуда было ступить. Ноги утопали в ней по щиколотку.

— Придется отступить, — решил Петр Сергеевич. — Это будет самое приятное отступление, какое только можно себе представить. Какова сила жизни! Какова! Недаром находили микробы на метеоритах, лишенных всякой атмосферы, блуждавших в космосе...

Годвин вдруг расхохотался:

— Черт возьми, командор! Это веселое тесто привело меня в себя.

— Ничего, Годвин... Надевайте скафандры.

— Жаль покидать такой уютный коттедж. Но лунные туземцы выживают нас отсюда, как англичан из Африки.

— Может быть, успеем пообедать по-человечески? — спросил Аникин. — У меня все готово.

— К вам на сковородку попала плесень! — в ужасе всплеснула руками Эллен.

— Вот и прекрасно. Можно теперь попробовать, — сказал Петр Громов и неожиданно для всех подцепил со сковородки кусочек коричневой корки, в которую превратилась лунная пена жизни.

Все в ужасе замерли.

— Может быть, коровам и свиньям понравится, — сказал он, поморщившись.

— Надо выпускать из палатки воздух, — предложил Годвин.

Аникин тщетно старался открыть дверь в шлюз. Очевидно, пена там слишком разрослась.

Люди уже с ногами забрались на диваны.

— Высаживать окно? — осведомился Аникин.

Спрашивать было уже поздно. Пена поднялась вровень с диванами. Петр Громов ударом ноги высадил окно. Стены домика сморщились, потолок навис. Громов помог Эллен первой выбраться наружу.

Глава пятнадцатая

ОГНЕННЫЙ ДОЖДЬ

— Может быть, мне и не так интересно взглянуть на «ту сторону Луны», — заявил Том Годвин. — Я ведь не угадал, что там лунные черти через какой-то кратер проветривают преисподнюю. Но я не хочу попасть к ним на рога и иду с вами, командор.

Эллен пошла проводить исследователей в последний переход. Они шли втроем вдоль светлой полосы, которая тянулась по долине от самого горизонта и, словно нырнув в одном месте под серый пепел, поднималась круто по горному склону.

Это был один из тех таинственных «лучей», над загадкой которого ломали голову ученые. Радиально расходясь от лунных цирков, лучи эти оказались полосами

вулканических выбросов. Возвышаясь над остальной местностью, они поразительно напоминали исполинские железнодорожные насыпи. Пузыристые, пористые, шлакообразные, более позднего происхождения, чем лунные моря, и потому не покрытые слоем метеоритной пыли, они казались с большого расстояния более светлыми.

— Что вы подумаете? — сказала Элен. — Не могу побороть чувства, что это кем-то насыпано.

— Лунные города выгодно будет строить вдоль этих естественных насыпей, — отозвался Петр Сергеевич. — Их легко превратить в шоссе.

— Лунные города! — восхищенно повторила Элен.

— Видите это нагромождение скал? — продолжал Громов. — В середине их будет венчать купол, по бокам поднимутся малые купола, напоминая восточные храмы. Это будет сказочный герметический город с искусственной атмосферой внутри. От него радиально разойдутся трубы оранжерей. В них необыкновенно разрастутся без оков земного тяготения земные растения. Как дозорные башни, поднимутся вокруг города мачты гелиостанций с исполинскими зеркалами. Самый верхний купол будет принадлежать «храму обсерватории». Оттуда жрецы-звездочеты, не зная помех атмосферы, откроют науке вековые тайны соседних планет...

Петр Сергеевич остановился и крепко пожал руку Элен:

— ...А теперь вам нужно вернуться.

— О кэй, Эль! Я тоже пожму вам руку!

— О, Том! Довольны ли вы, что обрели на Луне сестру?

— Сестра? Это, наверное, хорошо. У меня никогда не было сестры.

— На Луне можно очень многое найти. Я думала, что мы здесь нашли Дон Кихота Космического, а ведь командор скорее Георгий Седов.

— Это, Аленушка, слишком высокий пример. Георгий Седов, даже умирая, приказывал матросам везти себя к Северному полюсу.

— Считайте меня своим матросом, командор, — сказал Том Годвин. — Слово «вперед» меня устраивает.

— Я завидую вам, Том! И я завидую вам, Георгий Седов!.. — Элен обеими руками потрянула руки мужчин.

Элен долго смотрела вслед уходящим. Они двигались осторожно, избегая прыжков. Их светлые силуэты становились все меньше и меньше.

Петр Сергеевич был мастером альпинизма. Он обладал прекрасной техникой восхождения, которая пригодилась ему сейчас.

На Луне подниматься было и легче, и труднее. Можно было совершать огромные прыжки, запрыгивать снизу на скалы, можно было взбираться на совершенно отвесные скалы, уцепившись пальцами за почти неосязаемые шероховатости, но очень трудно было рассчитать свою силу и движения. Малейшая оплошность грозила гибелью.

Годвин, менее опытный в горном спорте, но сильный и отважный, старался не отставать от командора-

Преодолев особенно трудную кручу, Петр Громов бросал вниз веревку, и Годвин ловко взбирался по ней.

Пробираясь по узеньким карнизам над пропастями, они старались не смотреть в их непроглядную черноту. Впрочем, любая тень казалась пропастью или провалом, хотя нога и могла свободно ступить на нее.

Остановились передохнуть. Внизу раскинулась горная страна острых скал, еще ниже простиралась равнина моря с круглыми, казалось бы, полузатопленными островками с подобием лагуны посередине каждого из них.

— Походит на отпечатки гигантских копыт, — сказал Годвин, — или на коралловые острова, которые я видел в Тихом океане.

— Острова, это верно. Но, конечно, не коралловые. Перед нами, Годвин, те же вулканы, те же образованные ими кольцевые горы, но только затопленные.

— Горы кольцами... Странно... Может быть, у лунных чертей действительно такие огромные копыта? -

— Нет. Просто на Луне сила тяжести мала. И лава, выброшенная из кратера, разлеталась гигантской хризантемой.

— Недурной цветочек Вельзевула

— Не соприкасаясь с отсутствующим воздухом, не теряя из-за этого тепла, которое расходовалось лишь на излучение, расплавленная лава падала кольцом. Она застывала и постепенно возводила вокруг вулкана, в десятке километров от него, кольцевой барьер, который, в конце концов, превращался в кольцевой горный хребет. На такой хребет, Годвин, мы сейчас и поднимемся...

— А потом?

— А потом горная страна, состоящая из лунных цирков, при сжатии лунного шара опустилась. Из раскаленных недр через образовавшиеся трещины поднялась расплавленная магма и затопила старые горы.

— Черт возьми, командор! Выходит, лунные цирки рождались и умирали.

— Как и все в природе, Годвин. Вы хорошо сказали. В огне рождались горы, в огне умирали, опускаясь в сверкающее море. Оно дышало здесь тектонической зыбью, золотистое, местами красное, все в фиолетовых блестках. Я живо представляю его себе. Пологие волны тяжко ударяли в подножия этих гор, сотрясая лунные утесы. Огненный прибой внизу рассыпался мириадами искр. Магма вгрызалась в скалы проплавленными гротами и тут же затвердевала камнем. И базальтовым льдом покрылись все лунные моря, напоминая земные ледовитые океаны.

— Черт возьми, командор! Жаль, шлемофоны включены на ближний прием, и мисс Кенни не слышит ваших слов. Прекрасная получилась бы корреспонденция.

— Когда будет нужно, Годвин, мы включим шлемофоны на дальнюю связь. Мы еще сверху сообщим Эллен, а она на Землю, что на «той стороне»... Впрочем, не будем сейчас гадать. Уже близко.

— Я не знаю, что мы увидим на той стороне, командор, но на этой я уже вижу какую-то чертовщину. На Земле я всегда что-нибудь загадывал, когда падали звезды.

— Годвин! Кажется, пора включать шлемофоны на дальнюю связь!.. В черном небе летят звезды... Это капли лавы!.. Ради этого, опираясь на ум и труд сотен тысяч человек, стоило оказаться на Луне!..

Как замороженные, смотрели исследователи на черное небо, где вспыхивали, проносясь, золотистые звездочки.

— Что-то не походит на хризантему...

— Это огненный дождь, Годвин.

Звездочки вспыхивали не только в небе, но во всех черных провалах, какими казались тени ближних скал, на освещенных камнях, превращаясь в дымки. Капли шлепались и совсем неподалеку от исследователей,

— Как это прекрасно, Годвин! — разглядывал Громов одну из них. — Она застывает на глазах! На миллиметр сделала выше скалу. Из миллиметров слагаются километры высоты!..

Весь горный склон покрылся дымками.

— Железные зонтики пригодились бы. Я предпочел бы, командор, чтобы вы скрылись под каким-нибудь уступом.

— Да, да, Годвин! Вот здесь безопасно. Идите сюда. Давайте наблюдать. Хорошо, что я взял у Эллен кинокамеру! Великолепный получится фильм! Пусть его посмотрит академик Коваленков!..

Петр Сергеевич увлеченно снимал, как падали огненные капли на камни, как рассыпались сверкающими фонтанчиками, особенно эффектными в непроглядной тени. Капли застывали шлаковыми наростами.

Громов переключил шлемофон:

— Друзья! Аленушка! Ваня! Женя!.. Лунный дождь!.. У нас на глазах растут камни, поднимаются горы лунного цирка!..

— Мы слышим вас, командор! — издали донесся голос Эллен.

— Петр Сергеевич! Я шлю через Евгения радиogramму Коваленкову. Я даже рад, что вы правы, — слышался голос Аникина.

Огненный дождь усиливался. Лава не успевала застывать, огненными струйками она стекала вниз, подтекая под самые ноги стоявших в укрытии исследователей.

— Надо бежать, командор!..

Ручеек лавы образовал лужу, пенящуюся, всю в пузырях. Она дымилась.

Громов и Годвин стали осторожно спускаться. Однако об осторожности пришлось забыть.

Струйки лавы стекали, казалось, отовсюду. Они набухали, сливались, превращались местами в огненные потоки.

Ущелье казалось наиболее безопасным.

Держась за руки, бежали по нему путники, прыгая по камням. И вдруг в тени стало совсем светло. Огненный поток, словно в погоне за беглецами, ринулся по ущелью.

— Плохо, командор! — едва выговорил Годвин.

— Великолепно, Годвин! Мы видим Луну, какой она была миллиард лет назад!

Ущелье кончилось. Исследователи выскочили из него, и тотчас оттуда вырвался огненный поток.

Петр Громов схватился за бок:

— Осторожно, Годвин! Кажется, капля прожгла мой костюм.

— Прячьтесь, командор! Вот сюда!

— Я зажал рукой... Бежим...

Громов, держась рукой за бедро, прихрамывая, стал прыгать с камня на камень, все больше отставая от Годвина.

Заметив это, Том Годвин вернулся к нему.

— Воздух выходит... Бегите, Годвин... Возьмите кинокамеру... Не ждите...

И вдруг огненный поток обрушился сверкающим водопадом, разделив исследователей.

— Держитесь, командор! Я перепрыгну через поток. Не здесь, чуть повыше... Ждите меня.

Громов опустился на камень. Пальцы судорожно закручивали материал в поврежденном месте костюма.

Клубы дыма окутали его. Огненная масса, клокоча и пузырясь, неслась у его ног. Утечка воздуха давала себя знать. Громов чувствовал, что ему тяжелее дышать. Бедро, только что обожженное, теперь онемело от холода, проникшего в скафандр. Сознание помутилось... Он сделал конвульсивное движение свободной рукой, повалился на бок и покатился по камням.

— Командор! Где вы? Хэлло! Хэлло!

Громов катился все ниже. Рука конвульсивно сжимала прореху скафандра.

Лицо Петра Сергеевича покрылось потом.

— Годвин! Сюда! Спуститесь метров на...

Шлем ударился о камень, антенна погнулась, отломилась...

— Радируйте... Нужны металлические щиты... Обязательно...

Громов шевелил губами, ему казалось, что он кричит... но его уже никто не мог слышать. Радио не работало...

ГОДВИН сломя голову прыгал вниз. Остановился, задыхаясь.

— Ван! Элен! SOS! На помощь! — радировал Годвин. — Мы спустились почти к подножию... Кругом огонь... Ищите нас... — Годвин кружил на месте, не зная, где искать командора. Обезав камень, он вдруг наткнулся на Громова.

Годвин сразу понял, что случилось, оборвал антенну командора, закрутил ее проволокой поврежденную материю костюма, потом взял огромное тело Громова на руки и побежал, прыгая по камням...

Кое-где вспыхивали в тени огненные фонтанчики.

Глава шестнадцатая

МОРЕ

Отлет крупнейшего космического корабля «Разум» был назначен на этот памятный день в 10 часов 07 минут по среднеевропейскому времени.

Из сообщения ТАСС мир узнал о необыкновенных открытиях, сделанных на Луне, имеющих огромное значение для Земли.

Почему-то газеты печатали портреты лунных исследователей попарно: Элен с Петром Громовым и Аникина с Томом Годвином.

Евгений показал Элен одну из последних газет с портретами лунных путешественников, помещенных попарно...

И вдруг в шлемофоны ворвался голос Тома Годвина:

— Ван! Элен! SOS! На помощь!

Евгений судорожно крутил ручки аппаратуры, тщетно пытаясь усилить звук:

— Кругом огонь... Ищите нас... — и голос Годвина оборвался.

— Ваня! — закричала Элен. — Скорее! На танкетку!.. Боже! Я так не хотела их отпускать...

Аникин уже бежал от резиновой палатки.

— Что же вы стоите, мой Мираж? Скорее!.. Ведь могли же вы перепрыгнуть трещину!..

— Селена, поймите... Танкетка не может двигаться... Радиосвязь неустойчива...

— Ах, еще одно техническое уравнение, которое не решается обычными людьми! — крикнула Элен, соскочила с танкетки, на которую уже было взобралась, и побежала по следам командора и Годвина.

Аникин бросился за ней. С тревогой смотрел он, как взлетает вверх маленькая фигурка, как спускается, чтобы уже не подняться, но все-таки подпрыгивает снова и снова...

Аникин отставал. У него болела нога.

— Лена, Лена! Осторожнее! — тщетно зывал он.

И вдруг мимо него промчалась танкетка. Она двигалась, как-то странно виляя, словно теряя управление и снова обретая его. Моторы работали на полную мощность, поднятая гусеницами пыль не оседала, и Аникин потерял Эллен из виду.

Тогда он, забыв про боль, помчался... Нет, полетел вслед за танкеткой, боясь отстать.

Танкетка ждала его. Эллен уже стояла на железном корпусе, опираясь рукой о полусферу.

Аникин вскочил и крикнул:

— Гони! Жарь! Молодец все-таки Женька!..

Танкетка ринулась с места, но вдруг вильнула в сторону. Эллен свалилась на полусферу, а Аникин слетел на камни, Танкетка со всего размаху уперлась носом в большой камень, разбив один из прожекторов. Она замерла, полусфера потускнела, изображение в ней исчезло. Эллен в отчаянии колотила по полусфере кулаками. И, словно подчиняясь ее воле, снова появилось изображение Евгения. Танкетка ожила, попятилась. Аникин едва успел вскочить на нее. Она рванулась и понеслась.

Светлая полоса, похожая на железнодорожное полотно, уходила впереди под пепел, появляясь снова лишь у самого подножия горного кряжа.

— Там пепел, Женя! Глубоко!.. Надо объезжать, — крикнул Аникин.

Танкетка круто повернула, пробежала несколько десятков метров и остановилась. Изображение в полусфере мерцало, то появляясь, то исчезая.

— Нельзя, Ваня... Радиоволны не проходят.

Танкетка стала пятиться. Потом она попробовала объехать море пепла слева, но и там вскоре потеряла управление.

Контур острых гор, почти целиком закрывший земной диск, капризно оставил лишь узкую полосу, по которой еще могла двигаться танкетка.

И тогда Евгений решился. Не считаясь ни с чем, он направил танкетку прямо в пепел.

Танкетка влетела в море пепла с большой скоростью и... поплыла по нему. Гусеницы бешено вертелись, вздымая черное облако, которое вспухало серым шаром, расплываясь туманом.

Но танкетка все же двигалась вперед, к виднеющейся сквозь туман светлой полосе вулканических выбросов.

Лишь бы добраться до нее!..

— Мой Мираж! Скорее!.. Скорее!..

И вдруг в шлемофонах снова прозвучал голос Годвина:

— Я несу командора. Скафандр прожгло. И я вижу вас, вижу... Вы не так далеко...

ТОМ ГОДВИН нес Громова, чувствуя, что плечо его коченеет. Он включил аварийное устройство, отключавшее его шлем от скафандра. «Конечно, — думал он — правую руку придется ампутировать, так же, как и ногу командора... Прожгло и у меня скафандр. Лишь бы добежать до «железнодорожной насыпи», забраться на нее...»

И Том Годвин бежал. Рука его плетью болталась, перекинутое через левое плечо тело командора было жестким... Том Годвин не думал, что оно защищает его от смертельных огненных капель, он не знал, что они еще в нескольких местах прожгли скафандр Громова, и космический холод ворвался под защитную одежду, а воздух вышел... Тело стало негнуцимся.

И вдруг одеревенела у Годвина нога. Годвину показалось, что у него больше нет ее. Он не мог сделать ни шагу. Усилием воли он заставил себя осторожно опуститься на камни и положить рядом с собой тело командора.

Кругиплыли перед глазами Годвина. Сердце, вместо того, чтобы бешено колотиться, билось все медленнее. Сначала оно молотом отдавалось в висках, потом стало замирать, словно замерзая...

Почти равнодушно посмотрел он на свой поврежденный в нескольких местах скафандр. Потом заглянул в лицо командора.

— Какой был человек! — мысленно сказал Том Годвин, даже не подумав о себе. Его шлем скользнул по гладкой поверхности шлема командора и скатился на камни.

Оба они лежали теперь рядом, обращенные лицами к краю земного шара, который узенькой полоской чуть выступал над зубчатой горной грядой.

Внизу в пепельном море вздымалось черное облако.

Танкетка билась из последних сил: гусеницы буксовали. Она все глубже погружалась в пепел.

Эллен и Аникин едва видели друг друга.

Евгений круто повернул в сторону.

— Куда вы? Вперед! Только вперед! — кричала Эллен.

Но Евгений не слышал ее.

Эллен стояла. Пепел доставал ей до щиколоток.

Аникин сумрачно смотрел вперед.

Пепел засасывал машину. Только верхняя часть полусферы еще оставалась над поверхностью.

— Прыгайте! Прыгайте! — почему-то кричал Евгений.

Аникин схватил Эллен за руку, дернул.

Эллен не понимала, что надо делать.

Ах, вот что! Над пеплом возвышается скала. Но она слишком далеко... И танкетка перестала двигаться... Она тонет, тонет!

— Прыгай, Лена! Прыгай! — уговаривал Аникин.

Это был непостижимый прыжок. Они прыгнули вместе, держась друг за друга. Они пролетели сквозь серую тучу...

Скала плавно приблизилась снизу темным пятном, и они упали на нее. Эллен ушиблась.

Полусферы почти не было видно. Чуть выступавший над пеплом верх полусферы напомнил Эллен краешек земного диска, едва видимый над горизонтом. А потом...

Потом полусфера с Евгением исчезла.

Пепел над ней сомкнулся.

Евгений Громов, почерневший, словно пепел действительно оседал на его лицо, выскочил из макета танкетки, он никого не видел в лаборатории, хотя она была полна встревоженных людей.

Один из сотрудников протянул телефонную трубку:

— Междугородная. Город туристов. Академик.

Евгений вырвал трубку из рук.

Широкий и приземистый автомобиль заносило на поворотах. Движение на шоссе прекращалось при звуках сирены.

— Пожар? Скорая помощь? Авария?..

Гоночный автомобиль несся, прижавшись к асфальту.

Евгений непроизвольно нагибался, сидя рядом с гонщиком.

Перед ним были большие автомобильные часы.

«Разум» отлетал в 10 часов 07 минут.

Ворота аэродрома были широко открыты. Гоночный автомобиль несся уже по бетонным плитам.

Реактивная амфибия стояла, освещенная прожекторами, напоминая стрелу с легким оперением.

Сирена гонщика смолкла. Завизжали тормоза.

Сверху протянулись руки.

Евгений буквально взлетел и исчез в проеме двери.

Амфибия уже разбежалась... пролетела над забором... спрятала шасси...

Часы показывали 10 часов 07 минут.

Волосы Евгения слиплись.

Девушка в белом халате протянула ему стакан. Он невидящим взглядом посмотрел на него, ощупал рукой и залпом осушил.

Потом откинулся на спинку сиденья.

Часы показывали 10 часов 23 минуты.

Евгений знал, как никто другой, что трасса «Разума», скорость его, движение в каждой точке рассчитаны с предельной точностью. Никогда еще не вылетал с Земли такой гигант. Вылет его не мог задержаться ни на секунду.

Истступленно ревели за окном реактивные двигатели.

Девушка-врач пичкала Евгения каплями и кофе.

— Я знаю, что вы пережили, но от вас потребуется еще многое... — Часы показывали 10 часов 36 минут.

— Мы летим быстрее времени, — убеждала девушка-врач Евгения, словно он не знал этого, — быстрее, чем вращается земной шар...

Амфибия садилась прямо на горное озеро, грудью чайки разбивая блики лунной дорожки.

Луна стояла над самыми зубцами гор, и, словно целясь в нее, поднялось над контуром гор острие гигантской башни — ракеты...

Часы показывали снова 9 часов 49 минут...

Глава семнадцатая

ГОРОД КУПолов

Аникин, прихрамывая, несколько раз прошелся по окруженной пеплом скале, потом опустился рядом с Эллен. Если сгрести накаленный солнцем пепел, то на камне можно было сидеть.

— Они уже не ждут нас? — спросила Эллен, не повернув головы.

— Уже нет, — глухо отозвался Аникин. — Мы бы услышали их в шлемофоны.

Эллен не отрывала взгляда от теневой стороны гор, напротив которой они оказались. Тень была черной, как небо, отделяясь от него раскаленной кромкой скал.

— Негатив жизни, — задумчиво сказала Эллен.

Аникин молчал.

Эллен резко повернулась к нему:

— Почему я не пошла с ним? Я хочу видеть его! Они не сторели, если их залило лавой?

— Сгореть они не могут. Здесь нет кислорода.

— Они влиты теперь в лунный камень, влиты навечно.

Ваня словно видел перед собой тяжелый базальтовый камень, подобный гранитному постаменту. И по грудь в него вошли два первых лунопроходца, воочию видевшие, как растут камни, поднимаются горы...

— Прощаясь, Громов говорил о сказочном лунном городе, о куполах, венчающих скалы, о храмах науки здесь, в лунной пустыне.

Аникин встрепенулся:

— Город куполов? Очень удобно использовать вон ту грудку скал.

— Он так и говорил.

— Когда-нибудь до них будут добираться в просторном вагоне подвесной дороги. И на этой равнине будут стоять мачты, железные, ажурные, на бетонных постаментах, но только далеко друг от друга. Канаты ведь здесь не порвутся. В подвесных вагонах будет удобно. Неровности, трещины, все нипочем...

— А он говорил о лунных шоссе, в которые переделают «лучи» вулканических выбросов.

— Будет и так, — согласился Аникин. — И вот мы проезжаем на подвесной дороге или по бетонированному лучу.

— И видим?..

— Прежде всего — космодромы. Луна будет главной межпланетной станцией. Чтобы улететь с нее, скорость нужна немногим больше двух километров в секунду. Они будут располагаться кустами по два-три, и напоминать лунные цирки, только бетонные. На аренах вместо центрального пика вулкана будут возвышаться ракеты.

— Которые тоже подобны вулканам. Во время извержения они выбрасывают себя сами.

— Бетонная дорога пойдет по идеальной прямой луча. И мы проедем мимо рудников. Транспортные ленты будут выносить на поверхность ценнейшие руды. Их будут грузить в машины с герметическими стеклянными кабинами...

— В них будет не изображение?

— В них будут водители, которые к вечеру вернутся в свой город. И мы попадем вместе с ними в город, сначала въедем в воздушный шлюз. Закроются за нами толстые двери... Шлюз наполнится привычным земным воздухом...

— Как в нашем резиновом домике...

— Потом откроются внутренние ворота, и мы въедем на лунный вокзал. Нас встретят с цветами...

— Обожаю цветы! Но там?..

— Весь город будет окружен трубами оранжерей.

— Да. Он так и говорил.

— Это будут огромные прозрачные трубы, где по две недели, не заходя, будет светить солнце и буйно расти...

— Не лунная плесень, надеюсь?

— Нет! Она будет кормить скот на Земле. А на Луне в оранжереях будут расти преобразенные земные растения, дышащие особенно благоприятной для них атмосферой. Углекислоты, поступающей из города, будет в ней так много, что садовники и садовницы в легких купальных костюмах — ведь жарко! — будут все же в кислородных масках с заплечными баллончиками.

— Эх, Ваня, Ваня! О кислороде-то как раз и не надо было говорить.

— А в спортивных залах, где будут упражняться в необычайной ловкости лунные атлеты, кислорода будет даже больше нормального. А какие чудеса можно будет делать в гимнастических залах! Можно будет одному человеку держать пирамиду из двенадцати! И снизу запрыгнуть на самый верх.

— А город? Город...

— Он не будет копией земного. Дома упрутся в небо, в купол. И до купола достанут кроны деревьев, переросших своих земных предков. Дома-колонны будут словно сотканы из стекла и света, окруженные бегущими ручейками, где воду можно зачерпнуть рукой... Под главным куполом в самом центре будет висеть главное здание, как бы сложенное из стеклянных цилиндрических уступов, естественно переходящих в венчающую здание колонну, поддерживающую свод. Но люди не захотят жить всегда закрытые, закупоренные в лунных городах. Кто сдержит их там?

— Природа Луны, суровая и неисправимая...

— Человек может сделать все! История человеческого прогресса — это история овладения энергией. Ею владеет теперь человек, и он сделает невозможное. На Луне, в лунных породах, в связанном виде химических соединений есть и азот, и кислород, даже водород для воды. Человек, затратив энергию, освободит азот и кислород, и они в земной пропорции создадут вокруг Луны атмосферу с земным давлением. Она, конечно, будет улетучиваться, но пополнять ее не составит труда. И искусственно созданная на Луне вода заполнит водоемы под небом, которое станет синим, как у нас на юге. Лунный пепел, как вблизи Везувия, поможет создать здесь прекрасную, плодородную почву. На поверхности Луны разрастутся удивительные сады, даже леса с деревьями непостижимой высоты и красоты. Перенесенные с Земли, они, не ощущая привычной для предшествующих поколений силы тяжести, разрастутся буйно. И на Луну станут прилетать люди Земли не только для работы на рудниках или в обсерваториях, на гелиостанциях или космодромах. Люди Земли будут отдыхать здесь, в сказочных условиях, не ощущая земного веса. Здесь чудодейственно излечатся болезни сердца. Сюда прилетят спортсмены для небывалых состязаний в скорости бега, в высоте прыжков, с шестом здесь можно будет перепрыгнуть двадцатипятиэтажный дом!.. Альпинисты столкнутся с увлекательными препятствиями, с зовущими к себе скалистыми вершинами, с неприступными пиками и волнующими

пропастями... Человек, побывавший на Луне, никогда уже не забудет ее, вечно будет стремиться обратно, как стремится всякий, побывавший в Арктике... Он будет тосковать по буйным лунным лесам, по озерам, по глади которых легко бегать в специальной обуви с перепончатыми подошвами, он никогда не забудет восхитительного, знакомого лишь по снам ощущения легкости, которое позволит даже парить в воздухе на полах плаща, как на крыльях. Луна станет чудеснейшим местом, мечтой, сказкой, местом счастья для каждого... Все будут стремиться побывать на ней или вернуться снова на нее.

Эллен слушала, как зачарованная. Она даже не удивилась тому, каким вдруг предстал перед нею Ваня Аникин. На Луне люди выглядят особенными. На Земле мы не знаем их, не умеем разглядеть... Том Годвин, Петр Громов... теперь Аникин!.. Только одна Эллен Кенни ничем, кроме авантюризма, не проявила себя, ничем не доказала, что достойна быть среди таких людей. Была лишь членом неумолимого уравнения...

С летящего к Луне космического корабля «Разум» было передано на Землю сообщение:

«Удалось перехватить радиопередачу между шлемофонами оставшихся в живых лунных исследователей Эллен Кенни и Ивана Аникина».

Глава восемнадцатая

ЛУННЫЙ КАМЕНЬ

Колючие разноцветные звезды не мерцали. На Земле они, рассыпанные по небосводу, отличались лишь величиной; но здесь, в космосе, отчетливо ощущались более близкие и более далекие. В знакомом созвездии Большой Медведицы некоторые звезды совершенно выпадали из рисунка: настолько очевидно было, что они отделены одна от другой непостижимой глубиной пространства.

Луна не выглядела огромным полумесяцем, хотя освещен был лишь ее серп. С близкого расстояния затененная ее часть, более серая, была прекрасно видна во всех деталях. Не такой запомнил Луну Евгений, подлетая к ней в первый раз...

В первый раз... А сейчас не в первый?..

Считалось, что он уже пересекал космос, достиг Луны, ступил на ее поверхность. Еще вчера он готов был это утверждать, а теперь...

Неизведанные ощущения охватили Евгения. Магнитные подошвы, позволяя ходить по металлическому полу, лишь удерживали тело, но само оно было наполнено неизъяснимой легкостью, вначале неприятной, вызывавшей тошноту, а потом пьянящей, радующей,

Корабль был огромный, с множеством отсеков и коридоров. Он давал представление о будущих звездолетах, в которых люди, пересекая галактики, будут жить годами.

Путешествие в нем напоминало полет в «Искателе-II» не больше, чем поездка в мягком вагоне экспресса — езду на мотоцикле.

На «Разуме» летело двенадцать человек. Экспедицию возглавлял академик Белоусов. С остальными советскими участниками экспедиции. Евгений работал в космическом институте. В состав экспедиции входили также два американца, профессор Трипп, член космического комитета и старый пилот Джон Смит, радист «Разума», запасные пилоты англичанин Джолиан Сомс, поляк Нагурский и француз Лавеню, добровольцы, в последнюю минуту добившиеся включения их в состав экипажа.

Академик Белоусов нашел Евгения в салоне с закрытой книгой в руках:

— Вот что, друг мой. Мы посоветовались с профессором Триппом и решили, что посадку ракеты доверим тебе. У тебя есть опыт, ты уже спускался на Луну и знаешь, куда именно надо посадить корабль.

Евгений не подал виду, как он взволнован ответственным поручением. Управление ракетой он знал прекрасно, готовясь к телеуправлению «Искателем-II». Но «Разум» был таким огромным!

Евгений сунул книгу корешком к стенке в шкаф и поспешно прошел в рубку управления.

— Хэлло. Эджин! — сказал Джолиан Сомс. — Вы будете единственным человеком, который без возвращения дважды прилетит в одно место.

Евгений кивнул головой и занял уступленное ему Сомсом кресло.

До поверхности Луны оставалось около трехсот километров. Через металлический переплет окна виднелась освещенная часть шара.

Гористая часть Луны казалась очень странной из-за длинных теней, отбрасываемых низким Солнцем. Некоторые кратеры зияли чернотой, словно не имели дна. Менее высокие горы исчезали в тени зазубренных пиков, истинные ощущения нарушались.

Евгений беспокоился, найдет ли он точно место на краю лунного диска, куда добралась экспедиция...

Сейчас не было границы между видимой и невидимой с Земли частью лунного шара. Стоявший на пульте лунный глобус был сделан со всеми подробностями лишь с одной стороны, а с другой — пока приблизительно по фотографиям автоматических межпланетных станций. Он не вполне походил на медленно растущий внизу шар...

Евгений заставил гигантский корабль повернуться дном к Луне.

Пот выступил у него на лбу, не столько от появившегося свинцового веса, сколько от напряжения...

Все ниже опускалась ракета-колосс.

Вибрировали ее стенки, ревели тормозные дюзы.

Великолепный корабль! Как он слушается каждого движения. Ведь Евгений привык к тому, что его приказы выполняются через полторы секунды, а узнавал он об этом еще спустя такое же время. А сейчас...

За переплетами окна виднелся знакомый горный кряж, перед которым лежало предательское море пепла... Этот кряж тогда дымился... Сейчас он был по-лунному мрачен и неизменен.

Все члены экипажа припали к окнам. Они видели лунный пейзаж впервые...

Летающая башня опустилась сразу на три спружинившие лапы, которые попарно напоминали огромные триумфальные арки.

Скафандры были надеты заблаговременно.

Астронавты цепочкой спускались по алюминиевой лестнице в туман пыли, поднятой дюзами с поверхности.

Евгений, Джон Смит, Казимир Нагурский и Жак Лавеню (спасательная команда) не стали ждать, когда рассеется пылевое облако, они побежали в указанном Евгением направлении.

Евгений видел под ногами следы танкетки, которые он сам недавно оставил здесь...

Он снова был и в знакомом, и в совершенно незнакомом месте... Опять та же легкость, которую он ощущал во всем теле, и гнетущая тяжесть на сердце.

Евгений прекрасно ездил по Луне на танкетке; но ходить по Луне он не умел так же, как и его спутники. Он не мог сообразовать свои силы и движения. Он спешил, он хотел бежать, и каждый шаг подбрасывал его высоко вверх, ему казалось, что он разобьется о камни...

И все-таки он бежал, как бежали и его товарищи.

След танкетки нырнул в пепел. Все четверо остановились, надевая на ноги подобие охотничьих лыж, которые позволят пройти по пеплу.

Казимир Нагурский держал на плече баллон кислорода, Жак Лавеню нес два запасных скафандра, у Джона Смита были носилки.

На островке видны были скорчившиеся тела...

Евгений подбежал к Эллен и Аникину. Он присоединил к их шлемам кислородный баллон.

Аникин пришел в себя первым.

— Ну вот! Не утонул все-таки! — сказал он и улыбнулся.

Нагурский делал Эллен искусственное дыхание. Евгений старался помогать.

Наконец Эллен открыла глаза и долго смотрела, ничего не сознавая. Она увидела красивое лицо поляка, и глаза ее удивленно округлились. Но еще больше поразила она, узнав Евгения.

Четырнадцать звездолетчиков медленно, один за другим, тянулись по морю пепла к горному кряжу.

Эллен и Евгений двигались последними.

Петр Громов и Том Годвин лежали в углублении между двумя выступами скалы. С двух сторон вровень с этими выступами были насыпаны камни. Прозрачные колпаки шлемов были сняты. Оба исследователя смотрели в звездное небо, которое дерзнули покорить...

У них были строгие, спокойные лица, даже величественные, может быть, от того, что они чем-то напоминали скульптуру.

— Мы закроем их каменной плитой, — сказал академик Белоусов.

— О нет! — запротестовала Эллен. — Они всегда должны смотреть в звездное небо. Они первые дотянулись до него.

— Нет, — покачал головой академик. — Они — люди Земли. Пусть по обычаям родины камень накроет их гробницу.

Джон Смит принес вещи погибших, оказавшиеся в их скафандрах: золотые самородки Тома Годвина, стеклянные пробирки с темной жидкостью и красноватой массой.

— Это, — сказала Эллен, беря стеклянные пробирки, — это позвольте взять мне. Громов очень ценил эти открытия.

— Мы продолжим их, — сказал Евгений.

Двенадцать человек, все, кроме Эллен и академика, подняли огромную базальтовую глыбу. Это было возможно только на Луне.

Осторожно несли они, спотыкаясь на неровностях, тяжелую плиту к могиле и осторожно положили ее сверху.

Эллен мужественно снимала кинокамерой миг, когда закрыты были застывшие в холодном и мудром спокойствии лица первых исследователей Луны.

— Я знаю, — сказала Эллен, — в один из следующих рейсов сюда прилетит скульптор. Он высечет на этом лунном камне их изваяния... именно так, как представила я их себе... на островке, наполовину вошедших в камень...

— Им высекут памятник и на Земле, — сказал академик.

Белоусов дал по радио сигнал, и с исполинской башни «Разума» вылетел снап ракет. Словно выброшенные из жерла вулкана, они оставляли за собой изогнутый дымный след. Все вместе они напоминали расцветшую в черном небе хризантему. Потом звездные огоньки стали медленно падать меж неподвижных звезд. Они походили на огненный дождь...

Глава девятнадцатая

СЛЕД РАЗУМА

Горный кряж на краю лунного диска назвали Горой Памятника.

— Я так подумала, — сказала Эллен, — если мы поднимемся на вершину горы, как этого хотели командор и Годвин, мы сделаем им самый лучший памятник.

— Мисс Кенни говорит весьма разумно, — заметил профессор Трипп. — Лучший памятник ученому — завершение начатых им исследований.

— Я уже просил разрешения подняться на кряж, — заявил Евгений.

— Я, во что бы то ни стало, пойду туда. И я не попрошу в пути ни у кого помощи, — решительно сказала Эллен, умоляюще смотря на академика.

Тот крякнул и зашевелил лохматыми бровями:

— Я бы отказал вам, моя дорогая исследовательница, если бы такое восхождение не было предусмотрено, как первоочередное, в плане работ экспедиции «Разума»! — и академик объявил, что для восхождения выделяется группа в составе Евгения Громова, академика Белоусова, Эллен Кенни, Джона Смита, Джолиана Сомса, Жака Лавеню и Казимира Нагурского. Профессор Трипп остается руководителем базы на ракете «Разум».

Начало подъема откладывать не стали. Извержение, очевидно, уже ослабло, но хотелось застать вулкан еще действующим, заснять на киноплёнку картину лунной вулканической деятельности, изучить все, что возможно. Геологом и селенологом был сам академик, поэтому он и включил себя в группу.

— Я утратил здесь, дорогие друзья, пять шестых своего, безусловно, излишнего на Земле веса, — словно оправдываясь, говорил он. — Но это не главное. Я, очевидно, сбросил вместе с лишним весом и груз лет, я могу теперь вспомнить, как поднимался на трудные вершины с такими волками альпинизма, как академик Игорь Евгеньевич Тамм или как член-корреспондент Академии наук Гавриил Адрианович Тихов. Я, скажу откровенно, был тогда им под стать. Потом, правда, состарился, но Луна меня омолодила.

Казимир Нагурский понимал в альпинизме толк и уже доставил с ракеты альпинистский инвентарь: специальные ботинки, альпенштоки, ледорубы, которые здесьгодились лишь для камня, веревки, крюки, клинья и даже какие-то новинки, в частности, семь железных непрожигаемых зонтиков, которые могли предохранить путников от дождя лавы.

Евгений Громов, как и его брат, мастер альпинизма, одобрил предусмотрительность поляка.

С первых же шагов восхождения получилось так, что Евгений стал командиром похода. Однако, авторитетом в лунных условиях оказалась Эллен. Аникин из-за поврежденной ноги остался внизу, и Эллен, единственная из участников подъема, имела

опыт движения по лунной поверхности. Она научилась прекрасно рассчитывать свои силы, очень точно прыгала.

Евгению пришлось советоваться с Эллен во всем: можно ли перепрыгнуть через расщелину, можно ли удержаться на этой отвесной стене?

Эллен деловито выслушивала его, давала толковый совет и молча выполняла самые трудные задания.

— Без вас, девочка, мы просто не могли бы подняться сюда, — заметил академик, когда его вытащили на веревке на очередную кручу. До этого на нее запрыгнула снизу Эллен, держа конец веревки.

Привал решили сделать примерно в том месте, откуда Петр Громов и Том Годвин рассматривали утонувшие цирки.

Теперь этой картиной любовался академик:

— Какая наглядность! Вы только посмотрите! — восхищался он. — Превосходное подтверждение теории о поднятии и опускании земной коры. Опускаются всегда высокие места. То есть горные страны. Они оказываются впоследствии на дне океанов. На Луне то же самое! Некогда высокогорная лунная страна, полная вулканических, как мы теперь знаем, цирков, опустилась. Каждая точка коры, по-видимому, любой планеты совершает как бы колебательное движение, чрезвычайно растянутое во времени. Если бы мы изобразили высоту какой-нибудь точки планеты над уровнем ее океана и показали зависимость этой высоты от смены миллионов лет, то получилась бы волна, синусоида!.. Полюбуйтесь, вот она, окаменевшая диаграмма!

Внизу виднелись полузалитые затвердевшим камнем кольцевые острова.

Академик оказался неугомонным. Ему уже не сиделось:

— Друзья, единственно, от чего здесь можно устать, так это от отдыха!

Евгений решительно поднялся и перекинул через плечо веревку. Ему удалось найти удобный перевал, но, чтобы воспользоваться им, предстояло перебраться через черную пропасть.

— Она словно наполнена сажой, — заметил Джон Смит.

— Будет мост имени Смита, — пообещал Нагурский.

Нагурский припас ракетный гарпун. Надо было попасть им точно в одну из трещин на противоположной стороне пропасти, чтобы он застрял там и позволил натянуть привязанную к нему веревку.

Нагурский оказался прекрасным стрелком. Гарпун прочно застрял в трещине. Веревку удалось натянуть, и все по очереди переправились через пропасть с помощью крюка и подвесной петли, как в свое время через лунную трещину.

Группа взбиралась все выше и выше. Семь человек помогали друг другу, страховали один другого, делали восхождение более безопасным, чем только для двух альпинистов.

Горизонт стал шире, отчетливо замечалась выпуклость лунного шара. Но видимость вдали была совершенно такой же, как и вблизи. Никакой дымки! Правда, разобрать детали было труднее, но это не потому, что они были мельче, а из-за того, что контуры гор накладывались там один на другой.

Евгений вел группу точно. Сделали еще один привал, потом бросок и... люди увидели «ту сторону Луны».

Она не должна была быть особенной, чем-то коренным отличаться от видимой с Земли части, но... было на «той стороне Луны» нечто, что заставило всех замереть.

Поднимаясь на последний камень перевала, все застывали, напряженные.

— Вот он, вулкан Петра Громова, — первым произнес академик.

— Великолепный вулкан! — сказал Жак Лавеню.

— Он больше Везувия и Этны, — заметила Эллен.

Да, это было совершенно ново для Луны, но посередине огромного цирка, над острым коническим пиком клубилось облако дыма, вернее, оно столбом взлетало вверх и там расплывалось туманным шаром.

Черная тень тянулась от вулканического пика через всю арену цирка и достигала противоположной части кольцевого хребта, расцвеченного вертикальными светлыми полосами.

Академик смотрел на действующий вулкан в бинокль и чертыхался, что окуляры нельзя поднести к глазам. Мешал колпак шлема.

Так и не пристроив его как следует, он махнул рукой и передал бинокль стоявшему рядом Джону Смиуту.

— Прекрасная труба, сэ. И дымится, — сказал тот.

Евгений взял бинокль последним.

Эллен искоса наблюдала за ним. Сначала он направил его на центральный пик, над которым стоял дымный столб, а потом стал почему-то рассматривать усыпанное вулканическим пеплом дно кратера.

Бинокль задрожал в его руках.

— Что вы видите? — тихо спросила Эллен.

— Посмотрите вы, — сказал Евгений, передавая бинокль.

Эллен поднесла бинокль к глазам.

— Этого не может быть! — удивленно сказала она. — Мы здесь не проходили.

— Что такое? — заинтересовался академик.

— Следы, — сказал Евгений.

— Какие следы? — поразился Белоусов.

— Взгляните.

Академик сердито взял бинокль, и на этот раз сумел им воспользоваться, как следует.

Академик строго повернулся к Эллен и Евгению:

— Вы не могли здесь пройти?

— Для этого нужно было бы перебраться через кольцевой хребет, — напомнил Евгений.

— Значит, кто-то перебрался? — повысил голос академик.

Евгений пожал плечами.

Теперь в бинокль смотрели все по очереди. То, что они видели, превосходило все допустимое...

От подножия кольцевого хребта по дну кратера к центральному пику вулкана тянулась цепочка... следов.

Да, это были следы... безусловно, следы!.. Маленькие лунки в слое пепла... все на расстоянии шага одна от другой...

— Шестиногое лунное чудовище, — сказал Жак Лавеню.

— На Луне чудовищ нет и быть не может, — строго сказал академик.

— Не шестиногое, — заметил Джон Смит, рассматривая далекие следы в бинокль. — Это следы трех двуногих...

— Невероятно! — воскликнул Нагурский.

— Это... Это... — задыхался академик. — След Разума!

— Разума? — изумился Лавеню. — Но ведь он...

— Да не ракеты, черт возьми! — взорвался академик. — Кто мог оставить следы на Луне?

— В самом деле, кто?

— И когда? — слышались вопросы.

— Только разумные существа! — провозгласил академик. — А когда? Может быть, пятьдесят лет назад, может быть, пятьдесят тысяч лет назад... На Луне все сохраняется неизменным.

— Только не здесь, Василий Афанасьевич, — подсказал Евгений. — Давние следы вблизи действовавшего вулкана давно засыпало бы пеплом.

— Он прав! — воскликнул академик. — Иначе и быть не может! Нельзя верить, что мы — избранные природы, и существуем, разумные, одни во всей Вселенной! Конечно, множество далеких и близких миров породило Разум. И естественно, что, стремясь к познанию всего сущего, они летели в космос, как полетели мы. И они останавливались, черт возьми, останавливались... во всяком случае, на Луне, и... кто знает, где еще!..

— И, заинтересованные действующим здесь вулканом, пришли именно туда, куда стремились и мы, — подсказал Евгений.

— Друзья, — сказал академик, — если бы я не руководил международной космической экспедицией, я приказал бы сейчас спускаться в кратер. Кто знает, что мы откроем, идя по следам Братьев по Разуму, протянувших руку высшей цивилизации!..

— Но вы осторожный руководитель экспедиции, и должны поставить здесь точку? — спросила Элен.

— Точку? — возмутился академик. — Это вы будете писать свою повесть «Лунная дорога», и поставите здесь точку, напишете «Конец», а наука, исследования, Жизнь... они никогда не кончаются...